

ЛИНА
ВИНЧЕСТЕР

ПЕРВАЯ БУКВА

СЕВЕРА

18+

Лина Винчестер
Первая буква Севера

«Автор»

2026

Винчестер Л.

Первая буква Севера / Л. Винчестер — «Автор», 2026

Школы «Примроуз» и «Мемфис» враждуют уже много лет. Бэйли Шепард — принцесса частной школы «Примроуз». У нее идеальный парень, прекрасные друзья и расписанное на годы вперед будущее. Но банкротство семьи рушит все. Бэйли теряет дом, статус — и оказывается за одной партой с теми, кого всегда презирала. Ник Ровер — капитан футбольной команды школы «Мемфис». Самоуверенный, наглый и совершенно не скрывает свою симпатию к Бэйли. С каждым днем ненавидеть Ника становится все сложнее, враги уже не кажутся такими плохими, а все предубеждения рушатся. Сближение Ника и Бэйли становится настоящей проблемой для всех вокруг. И если любовь к врагу — преступление, то за него придется заплатить.

© Винчестер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1 Ты веришь в любовь с первого взгляда?	6
Глава 2 Не вздумай трогать мой пудинг	13
Глава 3 Фанат Русалочки	18
Глава 4 Сколько ты хочешь?	23
Глава 5 Небольшие трудности	27
Глава 6 Тебе идет	32
Глава 7 Хорошие девочки мечтают о плохих мальчиках	38
Глава 8 День ужасов	43
Глава 9 Недолгая карьера	51
Глава 10 Добро пожаловать	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лина Винчестер

Первая буква Севера

От автора

Первая буква Севера — история Бэйли и Ника и третья книга цикла «Все буквы Севера». Здесь вы встретите первую любовь, классовое неравенство, борьбу с обществом и школьным буллингом.

Если история второстепенных героев Микки и Джейка покажется вам смазанной, то скромно напоминаю, что у этой пары есть диалогия «Последняя буква Севера» и «Последний аккорд Севера».

Истории героев цикла идут параллельно друг другу, поэтому некоторые важные события и диалоги намеренно повторяются с разных точек зрения, чтобы раскрыть общую картину.

Глава 1 Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Май.

Кажется, мой брат хочет, чтобы мы разбились.

— Можешь не гнать так? — Сжав ремень безопасности, я крепко зажмуриваюсь, когда Мейсон резко поворачивает руль, обгоняя очередную машину.

— Мы опаздываем.

— Я хочу хотя бы закончить школу, прежде чем глупо умру.

— Я предпочитаю умереть, но не опоздать на игру, — раздраженно бросает он. — Хотела тащиться как улитка, надо было садиться в машину к родителям.

Спасибо, но находиться с мамой в замкнутом пространстве салона автомобиля намного хуже, чем глупая смерть на дороге. Мне еще предстоит выслушать лекцию о том, что я выбрала сегодня джинсы, а не надела платье или юбку. Мама категорически против всего, что касается стиля кэжуал. К слову, Мейсону ничего не говорят о его любви к спортивной одежде.

Мы тормозим на красном сигнале светофора, глянув на время, Мейсон нервно проводит рукой по волосам.

— Черт, тренер меня убьет.

— Или ты сделаешь это раньше него, если не перестанешь так гнать. — Взяв из подстаканника стакан с холодным кофе, я делаю глоток.

Сбоку раздается автомобильный сигнал, из окна соседней машины показывается парень и взмахивает рукой, прося Мейсона опустить стекло.

— Привет, придурок! — Улыбнувшись, незнакомец размахивает средним пальцем. — Хотел пожелать удачи, но с твоим стилем игры, боюсь, не поможет.

— Пошел на хрен, Ровер!

Мейсон поднимает стекло, а кретин из соседней машины смеется, как и его друг за рулем. Как только загорается зеленый свет, их машина срывается с места и подрезает нас. Чертыхнувшись, Мейсон выворачивает руль, ремень безопасности больно врезается в грудь, я бьюсь плечом о дверцу, а кофе выплескивается из стакана. По груди расплывается темное пятно, а на джинсах оседают брызги кофе. Отлично, представляю, что скажет мама...

— Уроды, — шипит Мейсон, прибавляя скорость.

— Кто эти парни? — Отставив стакан, я тянусь к бардачку за салфеткой.

— Дегенераты из «Мемфиса».

Парковка перед школой забита, но Мейсону плевать, он останавливается прямо посреди рядов, перекрывая выезд нескольким автомобилям сразу. Нет смысла спорить с заведенным братом, поэтому я молча выхожу из машины следом за ним.

— Есть во что переодеться? — надеюсь я, вешая на плечо сумку с фотоаппаратом.

Достав из спортивной сумки футболку, Мейсон на мгновение подносит ее к носу и, кивнув, подкидывает мне.

— Вроде чистая.

Поймав футболку, я не успеваю даже сказать «спасибо», как Мейсон уже бежит по парковке к стадиону. Сегодня все против него. Мало того что на игру обещали приехать члены спортивной комиссии университета, ко всему прочему «Кардиналы» играют на территории чужой школы, а Мейсон опаздывает, за что ему влетит от тренера при всей команде.

Иду к школе, чтобы переодеться. Внутри старшая школа «Фолк» выглядит удручающе, впрочем, как и любая другая школа Уэст-Мемфиса на фоне родной «Примроуз». Потертый пол покрыт царапинами, лампы под потолком гудят, стены давно требуют покраски. В туалете

ужасный запах и, задержав дыхание, я захожу в кабинку, скидываю рубашку и надеваю футболку с логотипом «Битлз», край достаёт мне почти до самых колен, поэтому я завязываю ее в узел на талии. Сложив грязную рубашку, прячу ее в рюкзак и выхожу.

На пути к стадиону очередь. Медленно двигаясь в плотном потоке людей, я достаю из кармана джинсов звонящий телефон и провожу пальцем по экрану.

— Где ты? — спрашивает Айзек без приветствия.

— В очереди на стадион, скоро буду.

— Я рядом с твоими родителями, пойду к тебе навстречу.

— Хорошо. — Сбрасываю вызов и едва не роняю телефон, потому что меня толкают в плечо. — Эй!

— Извини, — машинально бросает парень и, пихнув своего друга в бок, отворачивается, но спустя мгновение он резко поворачивает голову и смотрит так внимательно, словно увидел во мне кого-то знакомого. Его губы расплываются в улыбке, и я только сейчас узнаю в нем кретина, размахивающего средним пальцем из машины.

В животе разливается холод — стандартная реакция при встрече с учениками «Мемфиса», — от них одни проблемы.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Что? — недоумеваю я.

Кретин разворачивается, продолжая идти спиной вперед. Ветер подхватывает его темные волосы, свет прожекторов стадиона падает на лицо, отчего колечко пирсинга в левом крыле носа поблескивает. Мне хватает нескольких секунд, чтобы составить мнение: это тот самый тип парней, которые прекрасно знают, насколько они привлекательны, поэтому от них за несколько миль веет уверенностью и самовлюбленностью, но на деле за красивым фасадом скрываются лишь пустота и глупость. Терпеть не могу таких людей.

— Говорю: веришь в любовь с первого взгляда?

Черт, что ему нужно? Чего он ко мне прицепился?

— Нет, не верю, — раздраженно бросаю я.

Очередь едва двигается, и я оглядываю толпу в надежде поскорее найти Айзека.

— Что делаешь после игры? — беззаботно спрашивает Кретин, словно мы знакомы сотню лет.

— Что?

Мой растерянный вид заставляет его рассмеяться.

— Ты правда плохо слышишь или просто тянешь время, раздумывая над ответом?

— У меня есть парень.

Качнув головой, он усмехается.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Ник, идем, — окликают его друзья и, поторапливая, похлопывают по плечу.

Как там его назвал Мейсон во время перепалки? Ровер?

Ник. Ник Ровер. Капитан футбольной команды «Пираний» из школы «Мемфис» и главный спортивный соперник Мейсона. По словам брата этот парень — полный идиот, который приносит кучу проблем и не умеет держать рот на замке, вечно неся чушь. Что ж, в последнем факте я только что убедилась лично.

— Еще увидимся, — бросает мне Ник и, подмигнув, уходит.

— Надеюсь, что нет, — шепчу я себе под нос.

У меня внутри все сжимается от мысли, что я только что вплотную столкнулась с парнем из «Мемфиса». Наши школы враждуют годами, мы с Мейсоном тщательно скрываем, что наш отец когда-то окончил «Мемфис», о котором ходит много дурных слухов. Ученики оттуда лишены моральных принципов, они часто отработывают наказание на общественных работах,

попадают в криминальные новостные сводки и при любой удобной возможности лезут в драку. От них одни неприятности, а Мейсон называет эту школу раковой опухолью нашего города.

— Бэйли! — Айзек нетерпеливо взмахивает рукой, словно я в силах поторопить столпившихся передо мной людей.

Пробравшись к Айзеку, я тянусь к его губам, но он уворачивается и подставляет щеку.

— Твои родители могут увидеть, — смущенно произносит он, кивая на трибуну.

Встав на цыпочки, я обхватываю Айзека за шею и коротко целую в губы.

— Хочешь моей смерти, да?

— Брось, мама с папой тебя обожают.

Он не отрицает, потому что знает, что я права. Наши родители дружат уже много лет, проводят совместные ужины, вместе занимаются большим теннисом и раз в месяц ездят в Литл-Рок на оперу и балет. А еще они часто обсуждают планы на наше будущее, кажется, они говорили о нашем браке, сколько я себя помню.

— Как настроение у мамы? — Я провожу подушечкой большого пальца по губам Айзека, чтобы стереть глянец отпечаток от моего розового блеска.

— Относительно хорошее. Миссис Шепард сказала, что мне идет бирюзовый, — он демонстративно дергает воротник своего поло.

Этому парню идет все. Он похож на диснеевского принца. Спортивное телосложение благодаря игре в лакросс, светлые волосы аккуратно уложены, ровные белые зубы, а еще в одежде Айзек отдает предпочтение рубашкам и брюкам, что до невозможности нравится моей маме. Он всегда ухожен и чистоплотен, у него начинается паника, если на одежде появляется грязное пятно, и в этом мы похожи. Руби и Линдси говорят, что мы словно Кен и Барби из одной коробки.

На поле, размахивая помпонами, выбегают чирлидерши «Фолк», и готова поспорить, после игры Руби обязательно скажет, что их бело-зеленая форма в разы уступает нашей ярко-красной.

— Мне нужно сделать снимки для сайта. — Расстегнув молнию рюкзака, вытаскиваю фотоаппарат и, перекинув ремень камеры через шею, протягиваю рюкзак Айзеку.

Проходя к игровому полю, я не оборачиваюсь и мысленно радуюсь, что мы опоздали, потому что не осталось времени на разговор с мамой. Даже спиной я чувствую на себе ее недовольный взгляд, от которого горит затылок.

Остановившись у кромки поля, я делаю несколько снимков чирлидерш «Фолк», хотя они вряд ли пригодятся для сайта или школьной газеты «Примроуз флэш».

Когда на поле выбегают чирлидерши «Красных кардиналов», я выбираю режим серийной съемки и встаю ближе. Руби выбрала для команды боевой раскрас в виде темных теней и красной помады в цвет формы, хотя директор Леннет просила девочек не наносить яркий макияж — говорит, что это вульгарно.

Руби подпрыгивает, ее собранные в хвост рыжие волосы напоминают пламя факела, и я запечатлеваю это на снимках.

Пока девочки радостно выдают кричалки, вокруг становится заметно тише. Самое неприятное в игре на родном поле соперника — ощущение, что тебе здесь не рады, поддержки в разы меньше, можно с легкостью услышать, как большая часть трибун бурно взрывается недовольными возгласами, когда наша команда зарабатывает очки.

Когда на поле, разрывая баннер, выбегают «Белые совы», стадион вновь наполняется радостными криками. Следом на поле под неодобрительное улюлюканье появляются «Красные кардиналы» во главе с Мейсоном. На лице брата жесткое выражение, и это явно не из-за того, что на поле его встречают с таким презрением, будто он совершил страшное преступление. Мейсону явно досталось от тренера.

Я уверена, что «Кардиналы» будут вести в счете, поэтому после жеребьевки иду к голевой линии «Сов», чтобы поймать самые интересные кадры схватки за мяч.

Что ж, к концу первой четверти я с сожалением понимаю, что ошиблась. «Совы» ведут, поддержки от трибун почти никакой. На Мейсона давит присутствие спортивной комиссии, он растерян и непохож сам на себя.

Тренер Барроу, собрав команду на кромке поля, не скупится на ругательства, создается впечатление, что он вот-вот ударит кого-нибудь из ребят.

— Какого черта вы ведете себя так, будто боитесь их?! — слышится рев тренера, когда я подхожу ближе. — Просыпайтесь и начинайте играть!

— Шепард! — доносится сзади низкий голос, и я оборачиваюсь, но окликают не меня, а Мейсона. У бортика трибуны стоит Кретин со своими друзьями. Прижав ладонь к груди, он с наигранным сочувствием покачивает головой. — Дорогой, это жалкое зрелище. Соберись, я болею за тебя.

Пробормотав что-то, Мейсон порывается в сторону трибун, но тренер удерживает его.

— Не уходи далеко после игры! — грозно предупреждает Мейсон.

Рассмеявшись, Кретин салютует пальцами. Ведет себя нагло и вызывающе, мешает игре, сбивая капитана. Типичный безмозглый придурок.

Когда начинается вторая четверть, я понимаю, что за снимками все же лучше идти к нашей голевой зоне, потому что там начинается настоящая битва, напоминающая мясорубку. Кретин с друзьями громко высмеивают нашу команду и ведут себя как полные дегенераты. Мне хочется включить вспышку и ослепить их, а, может, даже запустить объективом, лишь бы закрыли рты.

Что они вообще делают на чужом матче? Пришли посмотреть на тактику игры соперника? Непохоже на это. Мейсон ходит на матчи других команд, но там он внимательно следит за игрой и даже снимает на видео, чтобы потом все изучить. Но вот капитан «Пираний» больше заинтересован не в технике, а в том, чтобы сбить именно Мейсона, на «Кардиналов» ему плевать.

Под конец второго периода я все чаще смотрю на четверку из «Мемфиса», которые напоминают Четырех всадников Апокалипсиса. Что-то недоброе и холодное есть в их ухмылках, и я боюсь, что они бросят на поле дымовую шашку или еще что похуже. От этих отморозков всего можно ожидать.

К началу третьей четверти Кретин с друзьями уходят с трибун. Вопрос: «Зачем они были здесь?» зудит в голове так сильно, что я пропускаю момент, как Мейсон приносит нашей школе два очка.

Не знаю, что руководит мной: любопытство или плохое предчувствие, но спустя несколько минут я иду к выходу с поля. Вдруг эти парни хотят как-то сорвать игру перед членами спортивной комиссии?

Выйдя за пределы стадиона, я оказываюсь на парковке и смотрю на главный корпус школы «Фолк». Вокруг никого, несколько фонарей мигают, и по телу пробегает дрожь от ощущения, будто я попала в дешевый фильм ужасов.

Откуда-то издали доносится низкий мужской смех и звон металла. Достав из заднего кармана джинсов телефон, я пишу Айзеку, прося его подойти на парковку. Спрятав телефон, иду на звуки смеха вдоль бесконечного ряда машин.

Чем громче становятся голоса, тем осторожнее я переступаю с ноги на ногу. Как только замечаю парней у одной из машин, то наклоняюсь, чтобы незаметно подобраться ближе. С каждым шагом мое сердце больно стучит о ребра, будто бьет сигнальную тревогу, прося меня остановиться.

Слышится шипение и снова металлический звон, который принадлежит взбалтываемому баллончику с краской. Присев на корточки, я осторожно выглядываю из-за багажника.

Чертов кретин с друзьями разрисовывает машину Мейсона! Мне бы хотелось выскочить и накричать на них, припугнуть, но проблема в том, что я боюсь этих ребят до чертиков, потому что действительно не знаю, чего от них ожидать. Я не готова противостоять четверым парням в одиночку.

— Нарисовать член на лобовом будет слишком банально? — спрашивает Кретин, взбалтывая баллончик.

— Может, Рэм будет рисовать, а ты писать? — предлагает парень с пирсингом в губе, распыляя краску у пассажирской дверцы. — Потому что он умудрился написать «членосос» с двумя ошибками.

— Пошел ты, Джейк! — с обидой в голосе отмахивается тот, что крупнее и выше остальных. — Я торопился! Я бы вообще не тратил краску на этого идиота и тупо нагадил ему на капот.

— Фу, — шепчу я, сморщив нос.

— Оливер, тебе, как главному пострадавшему, оставляю лобовое стекло. — Кретин забирается на капот, затем на крышу и, присев, пишет что-то.

— Слушайте, может, достаточно? — Парень со светлыми волнистыми волосами звучит неуверенно, и, видимо, он единственный, кто отвечает за каплю разума в этой компании.

— Самое время включить совесть, Олли, — отзывается один из них.

Обхватив висящую на шее камеру, я убеждаюсь, что вспышка выключена и делаю несколько снимков этих художников, к которым уже совсем скоро в гости нагрянет полиция.

— Эй! — доносится издали голос Айзека.

— Сматываемся!

Сжав фотоаппарат, я прячусь за багажником. Раздается звон баллончиков об асфальт, топот и смех. Я приподнимаюсь, чтобы разведать обстановку через стекло заднего вида, но меня накрывает тень, а затем, кажется, меня сбивает машина, потому что мощный удар в плечо буквально сносит с ног. Тупая боль пронзает руку. Первым делом я думаю не о сохранении лица, а о том, чтобы спасти камеру. Сжав ее, я перекатываюсь на спину.

Во рту появляется солоноватый привкус крови, и я больше, чем уверена, что при падении до крови прикусила губу, но сейчас почему-то даже не чувствую боли.

— Черт, ты откуда взялась здесь?

В мигающем свете фонаря надо мной возвышается капитан «Пираний», он выглядит сбитым с толку, словно это я снесла его с ног.

— Ты в порядке?

Пересохший язык прилип к небу, я не могу выдать ни слова, не могу пошевелиться и даже сделать вдох. Внимание Ника привлекает фотоаппарат в моих руках. Страх разливается по телу холодом. Приподнявшись, я сажусь и, сжав в одной ладони камеру, второй упираюсь в шершавый асфальт и медленно ползу назад.

Кретин делает шаг, и я вздрагиваю, что заставляет его остановиться.

— Я буду кричать, — предупреждаю я.

— Эм, ладно? — он больше спрашивает, чем отвечает. — Если тебе так хочется.

— Сюда идет мой парень.

— О, правда? — Недоумение на лице Ника сменяется наигранным удивлением. — Познакомишь нас?

Он делает шаг, и я взвизгиваю.

— Айзек! — воплю я, надрывая горло. — Айзек, помоги!

Ник выглядит пугающе спокойным. Вытащив из кармана худи пачку сигарет, он заводит ладонь за спину, а через мгновение достает из-за пояса чертов пистолет. Рвущийся наружу крик застревает в моих легких, а все нутро леденеет.

— Мы тут, — глядя в сторону, Ник взмахивает свободной рукой.

Топот приближается, и перед нами останавливается Айзек. Тяжело дыша, он оценивает обстановку, а потом его внимание привлекает пистолет в руке Ника.

— Ты... Ты что удумал, псих? — Вскинув ладони, Айзек тяжело сглатывает, и я вижу, как дергается его кадык.

— Это твой парень? — указав на Айзека пистолетом, Ник вскидывает брови. — Надо же, а я представлял его более brutальным.

— Не бойся, детка. Я сейчас приведу помощь, хорошо?

Попытившись, он убегает, а я хочу завопить, но блеск пистолета в связке с ужасом работают как кляп. Я снова осталась один на один с психом.

Неужели я действительно умру на парковке, не дожив всего лишь месяц до своих восемнадцати лет?

— Какой-то нервный он у тебя. — Достав зубами сигарету из пачки, Ник подносит пистолет к своему лицу и нажимает на курок: из дула вспыхивает пламя, роняя на лицо танцующие тени.

Это всего лишь чертова зажигалка.

Звенящее напряжение в мышцах сменяется облегчением, а голова кружится от резкой перемены выкрученных на максимум эмоций.

Зажав в зубах сигарету, Ник прячет зажигалку за пояс джинсов и, выдохнув дым, указывает на мой фотоаппарат.

— Много успела снять?

— Я вас не снимала.

Он недоверчиво щурится.

— А если проверю?

— П-пару кадров, — с запинкой признаюсь я.

— Ладно. Ты точно в порядке? Руки, ноги целы?

Я растерянно киваю.

— Асфальт холодный, вставай, а не то заболеешь. — Склонившись надо мной, он протягивает руку.

А не то заболеешь.

Я ждала угрозы, а он проявляет заботу?

Пепел тлеющей сигареты оседает на мою футболку, и я так внимательно смотрю на бледно-серые хлопья на ткани, словно в жизни не видела ничего интереснее.

— Черт, извини. — Откинув сигарету, Ник помогает мне подняться.

Оказавшись на ногах, я судорожно выдыхаю и оглядываюсь.

— Мне придется одолжить это.

Ник ловит ремень камеры, висящей на моей шее, и я даже не думаю сопротивляться, пока он снимает ее через мою голову. Я одновременно до дрожи боюсь этого парня, но при этом где-то внутри осознаю, что он не собирается причинять мне вред.

Вдали слышатся крики, это Айзек ведет помощь.

— Ты ведь учишься в этой школе? — уточняет Ник, повесив камеру на свою шею. — Завтра верну тебе после уроков, идет?

Рядом с нами с визгом тормозит машина.

— Ники, а мы тебя везде ищем. — Парень с пирсингом в губе высовывает руку в открытое окно и хлопает ладонью по водительской дверце снаружи. — Садись.

— Погодите, парни, я еще не познакомил вас со своей судьбой.

— Твоя судьба — провести ночь в участке, если не сядешь в тачку. Поехали.
Повернувшись ко мне, Ник пожимает плечами.

— До завтра. — Подмигнув, он идет к машине, а до меня доходит, что я не получу камеру назад, если не раскрою рот.

— Я учусь не здесь, я из «Примроуз».

Замерев на мгновение, Ник оборачивается.

— Так и знал, что в тебе должен быть какой-то изъян, не могло быть все так идеально. Даже на Солнце есть темные пятна, да? — с усмешкой бросает он, прежде чем хлопнуть дверцей.

Машина быстро исчезает с парковки, а я думаю, что самое время попрощаться со своей камерой, потому что какого бы крутого парня не строил из себя Ник Ровер, он вряд ли появится на территории нашей школы, разве что у него есть в запасе пара жизней.

Глава 2 Не вздумай трогать мой пудинг

— Бэйли! — Айзек сгребает меня в охапку, а я выглядываю из-за его плеча, с изумлением наблюдая за толпой, которую он привел. — Слава богу, ты в порядке.

Чмокнув меня в лоб, он отстраняется и внимательно разглядывает мое лицо.

— У тебя кровь на губе.

— Прикусила, когда упала, — мямлю я и, облизнув губы, чувствую солоноватый привкус.

— Где он? — рычит Айзек, оглядываясь.

— Черт! — Прижав кулак к губам, Коул из команды по лакроссу со смехом указывает в сторону. — Только гляньте на тачку Мейсона.

Парни дружно достают телефоны, чтобы сфотографировать разрисованную машину.

— Бэйли, ты меня слышишь? — Крепче сжав ладони на моих плечах, Айзек легонько встряхивает меня. — Где этот урод, который размахивал пушкой?

Его слова с трудом пробиваются сквозь дымку в моей голове. Я будто нахожусь во сне, не могу пошевелиться и четко мыслить. Вот передо мной суровое лицо Айзека с потемневшим от злости взглядом, но одновременно с этим я не могу избавиться от картинки, где он убегает с парковки, оставляя меня одну.

— Зажигалка, — выдавливаю я.

— Что?

— Это был не пистолет, а зажигалка.

— А это не кровь, а клубничный сироп, да? — Айзек потирает мои плечи, решив, что я дрожу от холода, а не от остатков адреналиновой вспышки. — Он запугал тебя и ответит за это. Какой же сволочью нужно быть, чтобы поднять руку на девушку! Пойдем к твоим родителям, а потом в участок.

— Он меня не трогал.

— Детка, тебе нечего бояться. Будет хуже, если не скажем копам.

— Он случайно врезался в меня, — отдергиваю руку я, когда Айзек тянет меня. — Я не буду обвинять человека в том, чего он не делал.

— А машина?

Я молчу, потому что с этим нужно разбираться Мейсону. Он знает, как поступить лучше: обратиться к копам или решить вопрос самому.

— С этим пусть разбирается Мейсон.

Я иду в сторону стадиона и с каждым шагом пульсирующая боль в плече набирает обороты, словно организм только сейчас вспомнил, что такое боль. Айзек берет меня за руку, но я отстраняюсь. То ли из-за боли, то ли из-за обиды, что бросил в экстренной ситуации. Понимаю, что Айзек не должен был рисковать жизнью и бросаться из-за меня под пули, но в глубине души мне бы хотелось, чтобы он, как герой боевика, одолел Ника Ровера.

Мейсон вывел «Кардиналов» к победе, но его хорошее настроение потухло, когда он увидел машину. Брату потребовалось меньше секунды, чтобы понять, чьих рук это дело. Мама с папой уехали сразу после игры, а я послушно ждала, когда Мейсон пообщается с тренером и сходит в душ. Я готова провести в школе «Фолк» хоть всю ночь, лишь бы оттянуть разговор с мамой, без поддержки брата мне будет сложно.

— Не вздумай говорить родителям, что видела, кто это сделал, — командует Мейсон, крепко сжимая руль. — Я сам разберусь с этими дегенератами.

— Одного из них звали Оливер, — вспоминаю я. — Это тот самый парень, у которого ты увел девушку, из-за чего загремел в интернет-скандал?

— Во-первых, я не уводил Констанс, она прибежала ко мне сама, во-вторых... Черт! — Мейсон наклоняется из стороны в сторону, чтобы рассмотреть дорогу сквозь линии нарисованного на лобовом стекле члена и оскорбительных надписей. — Я им все руки переломаю, чтобы больше не могли брэнчать свою идиотскую музыку.

— Не понимаю, что девчонки в них находят, — негодую я, устало потирая лоб. — Они похожи на дикарей.

— «Норд» и есть дикари без мозгов.

«Норд» — название рок-группы, в которой играет Кретин со своими друзьями. В Уэст-Мемфисе не происходит ничего интересного, поэтому местная группа стала настоящей гордостью нашего города. В прошлом году видео с их репетиции набрало множество просмотров в социальных сетях, после этого они начали регулярно выкладывать ролики, которые выстреливали один за другим, и количество подписчиков стремительно полетело вверх. Девушкам приглянулись симпатичные мордашки, а парням понравилось агрессивное звучание. Я слышала пару песен и по мне их музыка — настоящий мусор.

Мейсон загоняет внедорожник в гараж. Если папа будет очень зол, увидев, во что превратили машину, то маму от грубых надписей может хватить удар.

Мы заходим в дом через гаражную дверь, кухня наполнена ароматом овощного рагу, кастрюли на плите шкварчат и кипят, пока Марта, напевая себе под нос, шинкует зелень.

— Надеюсь, для победителей будет специальное блюдо? — спрашивает Мейсон.

Вздвигнув, Марта откладывает нож, вытирает руки о передник и, прижав ладонь к пышной груди, спешит к Мейсону, чтобы обнять. Несмотря на тучное телосложение эта женщина всегда двигается очень легко и плавно.

— Я знала, что ты вернешься победителем! Для тебя будет особенный десерт, для вас обоих. — Излучаемые теплом карие глаза будто меркнут, когда Марта переводит взгляд на меня. Протянув руки, она осторожно обхватывает мои щеки теплыми ладонями. — Твоя губа. Что случилось?

— Неудачно упала.

— Моя бедная принцесса, — пробормотав следом что-то на испанском, Марта крепко обнимает меня и, погладив по голове, коротко целует в лоб, как делала в моем детстве, когда я ударялась или падала.

— Сколько раз я просила не делать этого? — слышу я голос мамы, и Марта испуганно отстраняется.

Мама стоит в дверном проеме, сложив руки на груди. Она успела переодеться к ужину, потому что на трибунах она была в костюме кремового цвета, а сейчас на ней лавандовая блуза и узкая юбка. Светлые волосы собраны в низкий пучок, плотно сжатые губы превратились в тонкую линию, скулы впалые, словно она слегка втянула щеки. Мама не в настроении, ничего нового.

— Как долго нам ждать ужин?

— Подаю через пять минут, миссис Шепард.

— Прекрасно. И кстати, Марта, — сделав шаг, мама оборачивается, — напоминаю, давай обойдемся без фамильярностей. Оставь поцелуи и объятия для своих детей.

Потупив взгляд, Марта коротко кивает. Ее кожа довольно смуглая, но я все равно вижу, как краснеют ее щеки. Ей явно стоит больших усилий сдерживать слезы, потому что дети Марты, наши с Мейсоном ровесники, живут в Мексике с бабушкой, а их мама вынуждена находиться здесь, чтобы заработать им на жизнь и хороший колледж.

— Мама! — в один голос возмущаемся мы с Мейсоном.

— Не заставляйте отца ждать, живо к столу. Бэйли, надеюсь, ты переоденешься к ужину.

Перед тем как выйти, Мама с брезгливостью разглядывает мои джинсы и футболку, будто одежда усыпана пауками.

— Не слушай ее, — отмахнувшись, Мейсон наклоняется и звонко чмокает Марту в щеку.

— Прости за это, — шепчу я, сжав ее ладонь.

— Бросьте, я сама виновата. — Марта заставляет себя улыбнуться и кивает на выход. — Идите, не заставляйте родителей ждать.

Мы с Мейсоном поднимаемся на второй этаж и расходимся по своим комнатам. Прикрыв дверь, я стягиваю футболку по пути в ванную, бросаю ее в корзину для белья и следом отправляю джинсы. В отражении зеркала замечаю на плече синяк, на локте ссадина, которую я наспех обрабатываю антисептиком.

Надев юбку и свитер, я провожу расческой по светлым волосам и собираю их в низкий хвост — мама терпеть не может, когда я хожу с распущенными, говорит, что это пренебрежение к внешнему виду и нужно всегда убирать их, а лучше коротко подстричься. Проблема в том, что я горжусь своими волосами, они густые и блестящие, я не жалею на них уйму уходовой косметики, и хоть мама часто повторяет, что длина до поясницы — настоящая безвкусица, я с ней не согласна.

Когда я спускаюсь, стол в гостиной уже сервирован, Марта успела подать салат и легкие закуски. Папа выглядит так, будто все еще находится на работе: на нем деловой костюм, взгляд устремлен в телефон, с которым он, как подросток, не расстается из-за работы. Заметив нас, папа улыбается, и в такие моменты я вижу, как сильно они с Мейсоном похожи. Мне же наоборот часто говорят, что я копия мамы, но я считаю, что мы похожи лишь голубыми глазами и ямочками на щеках, хотя мама так редко улыбается, что я их почти не вижу.

— А вот и наш победитель. — Отложив телефон, папа встает, чтобы обнять Мейсона. — Ты как настоящая знаменитость, после матча к тебе было не протолкнуться.

— Знаю, прости. Парни ведут себя как идиоты, когда мы выигрываем. Я сам от них еле отбил. А еще не могу поверить, что ты вырвался с работы на игру, в последний раз такое было в прошлом году.

— Знаю, прости. Парни на работе ведут себя как идиоты, когда я их не контролирую, — передразнивает его ответ папа, похлопывая по плечу. Взглянув на меня, он хмурится. — Что с губой, принцесса?

— Гравитация, — пожимаю плечами я, присаживаясь за стол под его обеспокоенным взглядом. — Не смотрела под ноги. Я в порядке, честно.

Марта приносит курицу с овощным рагу, в моей тарелке порция, щедро сдобренная специями, чтобы вкус был ярче. Мама против специй, соли, жирной еды и сахара. Если не ест она, значит нельзя никому.

— Как думаете, я понравился спортивной комиссии? — спрашивает Мейсон, взяв вилку.

— Без сомнений.

— Но я облажался в первые два периода.

— Не ты, а вы с парнями, — поправляет папа. — Когда начнешь говорить «мы» и играть вместе с командой, а не в одиночку, то дела могут пойти гораздо лучше. Футбол — командная игра, Мейсон.

— Да, но я капитан и на мне вся ответственность.

— Именно как капитан ты обязан помнить, что в одиночку нельзя выиграть матч.

Мейсон не перечит, потому что папа в свои школьные годы был звездой футбола и капитаном команды, его даже пригласили в спортивный университет Калифорнии, но он выбрал делом своей жизни сферу недвижимости.

— Уверена, они остались в восторге, — убеждает мама, сделав глоток воды. — Бэйли, не расскажешь, что за ужас ты сегодня надела?

Я ждала этого вопроса весь вечер.

— Пролила кофе на блузку по дороге, пришлось одолжить футболку Мейсона.

— Это я виноват, мы опаздывали, и я гнал. Странно, что она не искупалась в кофе с головы до ног.

— Ты бессмертный? — Подперев подбородок рукой, папа вскидывает бровь. — Еще раз услышу, что ты гоняешь, заберу ключи от машины.

— Кстати, насчет нее, — Мейсон с неловкостью потирает шею, — ее немножко разрисовали.

— Совсем немножко, — поддерживаю я, соединяя большой и указательный пальцы.

— Разрисовали?

— Да, краской. Цена игры в школе противника, наверняка взбесились, что мы обыграли их на родном поле.

— Что за дикари учатся в этой школе? — возмущается мама. — Завтра пойдем к их директору, пусть ищут виновных.

— Этого еще не хватало! Чтобы мама пришла в чужую школу, решать мои проблемы? Да меня засмеют. Я сам их найду и разберусь.

Ослабив галстук, папа качает головой.

— Во-первых, ни с кем ты разбираться не будешь. Во-вторых, перекрасим машину и забудем об этом.

— Аарон, ты шутишь? Это не сломанная игрушка, это машина.

— Я в курсе, чек за покраску тоже будет не игрушечным. — Подмигнув Мейсону, папа берет вилку, но тут же отвлекается на звонящий телефон. — Это срочно по работе, я на минуту.

— Ты можешь выключать свой телефон хотя бы во время семейного ужина? — раздраженно бросает мама в его спину. — Каждый раз прошу одно и то же и все без толку.

Марте придется разогревать ужин для отца, ведь разговоры по работе всегда отнимают у него слишком много времени, его «на минуту» равняется бесконечности.

После ужина я поднимаюсь к себе в комнату. На экране телефона горят несколько пропущенных вызовов от Айзека, но у меня нет никакого желания ему перезвонивать. В Сети уже гуляют снимки разрисованной машины Мейсона, и я боюсь, как бы все не закончилось массовой дракой ребят из нашей школы с «Мемфисом».

На экране телефона всплывает сообщение:

Руби О'доннелл: *Пообещай, что перед тем как залить фото на сайт, ты покажешь мне все снимки, хочу убедиться, что хорошо на них выгляжу.*

Чувствую себя беспомощной без фотоаппарата. Я планировала допоздна просидеть над выбором и обработкой фото для нового выпуска газеты и школьного сайта. Понятия не имею, что делать. Вероятность того, что Ник Ровер появится завтра на пороге «Примроуз» после шума из-за машины, стремится к нулю. Этот парень, может, и идиот, но не камикадзе.

Подожду до завтра, а после придется рассказать Мейсону. Мне нужна моя камера.

Взяв пижаму, я отправляюсь в ванную, чтобы наспех принять душ. Вернувшись в комнату, включаю первый попавшийся ролик на тему тру-крайм и, сев на кровать, беру с прикроватной тумбочки тюбик с кремом. Мама называет мой интерес к тру-крайм нездоровым отклонением, я же во время просмотра испытываю страх и одновременно с этим ощущаю опасность, потому что нахожусь по другую сторону экрана от происходящего ужаса, а собственные проблемы на фоне этого сразу кажутся глупостью.

Намазавшись кремом, я открываю увлажняющую тканевую маску и наношу ее на лицо. Когда на экране начинают рассказывать про детство кровожадного убийцы, в комнату заглядывает Мейсон:

— Черт, каждый раз пугаюсь, когда вижу тебя в этом. Может, начнешь вешать на дверь предупредительную табличку «Осторожно, я жутко выгляжу»?

— Может, начнешь стучаться и ждать моего разрешения войти?

— Да-да, конечно. — Бесцеремонно завалившись на кровать, Мейсон закидывает руки за голову. — Опять смотришь кровожадные документалки, психопатка?

— Опять будешь всю ночь спать с включенным светом после моих кровожадных документалок? — передразниваю я, и Мейсон корчит недовольную гримасу.

— Марта на кухне подпольно угощает шоколадным пудингом, мы думали, ты придешь.

— Мне стыдно появляться перед ней после того, что сказала мама.

Кивнув, Мейсон замолкает на какое-то время.

— Знаю, мне тоже. — Резко сев, он ловит меня за запястье и внимательно рассматривает садину на локте и синяк на плече, а я жалею, что не накинула поверх майки кардиган. — Какого черта? Ты сказала, что упала.

— Так и было.

Черты лица Мейсона становятся жесткими.

— А выглядит так, будто гребаный Ровер трепал тебя как куклу.

— Он случайно в меня врезался. Поверь, если бы он меня ударил, я бы сидела не здесь, а рядом с копами.

— Убью этого уroda, он давно напрашивается, — цедит Мейсон, откидываясь на спину.

— Не думаешь, что лучше проигнорировать это? — осторожно предлагаю я.

Изогнув бровь, Мейсон хмыкает.

— Прости?

— Если это была месть за то, что ты увел у одного из них девушку, то не лучше ли оставить все как есть? Если ответишь, это будет продолжаться бесконечно.

— Во-первых, я не могу воспринимать тебя всерьез с этой штукой на лице. Во-вторых, я сам разберусь, Бэйли, много ты понимаешь.

В ответ я пожимаю плечами, проглатывая обиду.

Может, я мало понимаю в мужских разборках, но зато чувствую, что в последние месяцы мы с Мейсоном отдаляемся друг от друга все сильнее. Мы близнецы и мне всегда казалось, что у нас особенная связь, но с каждым днем она бледнеет и становится тоньше. У Мейсона все больше секретов и все меньше времени на меня.

— Айзек звонил, скулил, что ты игнорируешь его звонки.

— Я сама разберусь, много ты понимаешь, — язвлю я, отвечая его же словами.

— Не пойму толком, что произошло. Он правда оставил тебя на парковке один на один с Ровером? — тон Мейсона наигранно беззаботный, а это плохой знак.

— Давай обсудим это завтра? Я устала.

— Если Айзек оставил тебя одну, то несмотря на то, что он мой друг, я проломлю ему голову.

— Все произошло так быстро, я сама толком ничего не поняла.

— Хорошо, — выдыхает он, приподнимаясь. — Значит, ты не будешь свою порцию пудинга, и я могу его съесть?

— Даже не вздумай трогать мой пудинг.

Глава 3 Фанат Русалочки

Май выдался жарким. Несмотря на открытые окна в кабинете литературы душно, воздух густой и влажный. Блузка неприятно липнет к телу, потянувшись к шее, я расслабляю форменный галстук, расстегиваю пуговицу на воротнике и с раздражением смотрю на часы над доской, стрелки которых словно замерли.

Руби, сидя передо мной, обмахивается тетрадью, как веером, и я с облегчением прикрываю веки, когда моего лица касается легкий ветерок при каждом взмахе ее тетради. Линдси, слева от меня, закалывает карандашом каштановые волосы и, поймав мой взгляд, подставляет пальцы к виску, как пистолет, и высовывает язык.

Мистер Фуллер монотонно рассказывает о жизни Джона Стейнбека и настоятельно рекомендует нам прочесть за лето его роман «Гроздь гнева», который войдет в программу следующего учебного года.

Лето. Всего какая-то неделя, и мы свободны от уроков, учебников и домашнего задания. Я считаю дни до поездки во Флориду, каждое лето мы с семьей проводим в летнем домике в Ки-Уэст. При мысли о Ки-Уэсте я буквально могу почувствовать соленый запах океана, нагретого под солнцем песка и аромат масла для загара. Даже мама там не такая раздражительная, как обычно, возможно, на нее успокаивающе влияет шум волн, не знаю.

Услышав звонок, я едва подавляю радостный возглас. Собрав тетради в сумку, забираю висящий на спинке стула пиджак и спешу к двери. В коридоре намного прохладнее, и мне хочется провести здесь остаток дня, а не мучаться в классе.

Добравшись до переполненной кафетерия, я беру бутылку воды, салат с авокадо и иду следом за Руби и Линдси, чтобы занять столик на улице. Погода словно издевается, солнце палит, нет даже дуновения ветерка. Шпили главного корпуса «Примроуз» смотрят в ясно небо, на котором нет ни облачка. Здание школы — единственное мрачное пятно на горизонте. Когда я в детстве впервые увидела «Примроуз», то была уверена, что это заколдованный замок из мультфильма «Красавица и Чудовище». Темное рельефное здание в готическом стиле с множеством резных узоров, узкими башнями, каменными полуарками и крупными окнами с цветными витражами. Одна из стен во дворе кафетерия увита плющом, который тянется вверх, словно пытается дотянуться до статуи горгульи на выступе. Мрачная красота от которой захватывает дух.

— Мне нужен либо дождь, либо машина времени, чтобы сразу оказаться на каникулах. — Открыв баночку диетической колы, Линдси делает несколько больших глотков. — Как можно учиться в такую погоду? Мозг плавится.

— У меня сегодня еще тренировка по черлидингу, — стонет Руби. — А вечером играем всей семьей в теннис с семейкой босса моего отца.

— Папа снова попросил тебя поддаваться? — догадываюсь я, едва сдерживая смехок, потому что знаю, как Руби ненавидит проигрывать.

— Да, — хмурится она, отправляя в рот яблочную дольку. — Они настолько плохи в теннисе, что их обыграет даже слепой.

— Боже мой, что случилось? — накрыв рот ладонью, Линдси кивает в сторону.

Повернув голову, я роняю вилку в салат. К нам приближается Айзек, его покрасневшая скула слегка припухла, и я точно знаю, что это работа Мейсона. Отлично, я еще не поговорила со своим парнем после произошедшего на парковке, зато мой брат решил влезть и разобраться кулаками. Теперь мне даже неловко злиться на Айзека.

— Бэйли, мы можем поговорить? — виновато спрашивает он, а затем косится на Руби и Линдси. — Наедине.

Взяв воду, я поднимаюсь из-за стола и плетусь за Айзеком. Остановившись под тенью ветвистого дерева, он с неловкостью смотрит на меня сверху вниз, развязанный галстук небрежно болтается на шее, рукава рубашки закатаны, а воротник помят, и я с легкостью могу представить, как Мейсон хватал его за грудки.

— Мейсон? — указываю я на покрасневшую скулу, хотя прекрасно знаю ответ.

Нехотя кивнув, Айзек потирает шею.

— Я пытался дозвониться до тебя вчера. — Нервно проведя ладонью по волосам, он на мгновение отводит взгляд. — Черт, детка, я не должен был оставлять тебя там одну. Мне стыдно за это, но страх за тебя словно ослепил, я почувствовал себя маленьким ребенком. К тому же у этого психа могла быть и настоящая пушка.

— Понимаю. — Прислонившись спиной к шершавому стволу дерева, я протягиваю запотевшую бутылку Айзеку, чтобы приложил к скуле. — Сама не знаю, как повела бы себя, окажись на твоём месте.

— Мне правда хотелось бы быть для тебя героем, Бэйли. Я облажался. Кажется, твой брат был прав, когда шутил, что если на нас нападут, то давать отпор будешь ты, а не я.

В голосе Айзека слышится искреннее сожаление. Я прекрасно знаю, как его задевают шутки про трусость, инфантильность, любовь к модной одежде и озабоченность внешним видом. Он действительно слишком обеспокоен тем, как выглядит, но ведь это не плохо — когда парень следит за собой.

Мы вместе уже почти два года и за это время между нами было мало ссор. С самого начала нашего знакомства я знала, что мы будем вместе, потому что этого хотели наши родители, а мы для них словно персонажи игры «Симс». И даже если мы сильно разругаемся, то это не будет окончательной точкой, мы обязательно помиримся. Так было всегда.

— Так что скажешь? — Прижав бутылку к щеке, Айзек пожимает плечами. — Между нами все в порядке?

— Думаю, да. Но я тут подумала, может, хочешь записаться на занятия по самообороне? Можем ходить туда вместе.

Рассмеявшись, Айзек берет мою ладонь в свою.

— Детка, у меня нет на это времени. Я все лето буду торчать в Хэмптонсе и заниматься тренировками по лакроссу.

— Кэп! — окликают его друзья по команде. — Идешь?

— Да, сейчас, — бросает он. — Мне нужно идти, поговорим чуть позже. Я обязательно заглажу свою вину, хорошо? Люблю тебя.

Коротко чмокнув в губы, Айзек возвращает мне воду и трусцой бежит к парням.

— Кто его так? — с сочувствием спрашивает Линдси, когда я присаживаюсь рядом.

— А то сама не знаешь. — Цокнув, Руби тянется за круассаном. — Почерк Мейсона на лицо. Буквально. Другой вопрос: «За что?». Колись, Бэйли, что Айзек сделал?

— Долгая история, — отмахиваюсь я.

— Ладно, тогда пусть Линдси в очередной раз расскажет жуткую историю о том, как у человека в организме поселились черви и личинки мух.

Сморщив нос, я отодвигаю от себя поднос с едой. Линдси фанат передачи «Монстры внутри меня», в которой рассказывают о насекомых и прочих паразитах, поселившихся в теле человека. Почему-то все эти сюжеты она любит вспоминать, когда мы едим.

— Не помню, я уже рассказывала про парня, у которого после купания в озере черви поселились прямо под кожей лица и даже в глазных яблоках?

— Ладно, я все расскажу, только замолчи! — смеюсь я, вскинув ладони.

Девочки устраиваются поудобнее, словно приготовились слушать сказку. Я пересказываю все события вчерашнего вечера, начиная с момента, как Кретин с друзьями подрезали нас

на дороге и заканчивая сегодняшним разговором с Айзеком. К концу истории я замечаю, что выпила добрую половину бутылки воды.

— Я бы тоже обиделась, если бы мой парень сбежал, — задумчиво протягивает Линдси, неспешно перекатывая яблоко из ладони в ладонь.

— Может быть, но у тебя нет парня, — напоминает Руби, наматывая на палец прядь волос. — Мало того что эти отбросы заявили на матч и изуродовали машину нашего капитана, так еще вздумали украсть фотоаппарат и угрожать тебе оружием!

— Зажигалкой, — поправляю я.

— Плевать. Кто знает, что бы он сделал, если не подоспела помощь? Может, затащил в темный угол и изнасиловал.

— Рядом с «Фолк» как раз есть лес, — с ужасом соглашается Линдси. — Боже, Бэйли, почему ты не обратилась в полицию?

— Не знаю, он показался мне... — замявшись, я с трудом выдерживаю настороженные взгляды подруг. — На мгновение я поверила, что он вернет камеру. Подожду до вечера, а там уже буду действовать.

— Милая, — протянув руку, Руби накрывает мою ладонь, — «Мемфис» — не просто школа, это диагноз. Я до сих пор не могу поверить, что твой брат умудрился связаться с этой девкой из гетто. Как там зовут эту АСМР блогершу?

— Констанс Финниган, — подсказывает Линдси.

— Точно. Допустим, его потянуло на экзотику, бывает. Но парни из этой школы опасны, не в крутом смысле «Трех метров над уровнем неба», это обычное гетто, они воруют, унижают других и постоянно устраивают драки. Тебе правда повезло, что ты выбралась с этой парковки целая и невредимая.

Несмотря на жару, по моей спине пробегает холодок.

— Не будет ли хуже, если она пойдет в полицию? — беспокоится Линдси, понизив голос. — Вдруг они захотят отомстить?

— Ты права. — Отстранившись, Руби берет салфетку и касается покрывшегося испариной лба. — Может, и правда лучше забыть об этом? Или рассказать Мейсону.

— Нет, у Мейсона и так достаточно поводов отомстить. Он в последнее время взрывается за секунду, боюсь, как бы это не стало последней каплей.

— Тогда скажи родителям, что утопила камеру у меня в бассейне, а они купят новую, — предлагает Руби. — Но я бы поборолась за старую.

— Ты ведь говоришь так просто потому, что там фотографии со вчерашнего матча, да? — шурюю я.

— Может быть.

— Ты ужасна! — смеется Линдси.

— Эй, я беспокоюсь не только о себе, но и о Бэйли! У нее нет снимков, чтобы обновить сайт, да и газета к понедельнику выйдет сухой без фоторепортажа. Замглава школьной газеты не может совершать таких ошибок...

Закатив глаза, я забираю поднос, мы с Линдси поднимаемся и делаем вид, что бросаем Руби, но она быстро нагоняет нас.

После уроков я ненадолго задерживаюсь в классе журналистики, чтобы добавить на школьный сайт обновленный список литературы на лето и отредактировать несколько статей для предпоследнего выпуска газеты в этом учебном году.

Расправившись с делами, я иду к выходу, по пути печатая Пенелопе сообщение с извинениями о задержке фотографий с матча. Пенелопе пришлось уехать в Канзас по семейным

обстоятельствам, и я уверяла, что с «Примроуз флэш» под моим руководством все будет в порядке. Что ж, я облажалась.

Толкнув массивную дверь, выхожу на улицу, и в лицо ударяет горячий воздух. Сняв с плеча рюкзак, бросаю в него телефон и на ходу ищу ключи от машины.

— Улыбочку! — доносится сбоку.

Повернув голову, я замираю. На рейле велопарковки сидит Ник Ровер, а в руках у него моя камера.

— Так и будешь там стоять или заберешь? — спрашивает он, подергивая ремень на шее.

Во рту пересыхает от волнения и страха того, что нас увидят. Ник выделяется как минимум тем, что на нем нет формы, он в потертых голубых джинсах и светлой футболке, на запястье повязана красная бандана, на ногах потрепанные кеды, а глаза спрятаны под солнечными очками в квадратной оправе.

Расправив плечи, я крепко сжимаю ляжку рюкзака, которым планирую отбиваться в случае чего, и с притворной смелостью направляюсь к Кретину. Остановившись в трех шагах от него, протягиваю руку, но он не спешит возвращать фотоаппарат.

— Привет, Бэйли.

Я продолжаю молча стоять, словно прошу милостыню. Мое внимание привлекает вышитая слева на его груди крошечная русалочка Ариэль, рядом с которой плывет рыбка Флаундер. Как-то это мало вписывается в образ крутого рокера.

— Даже не здороваешься?

— Отдай камеру, — цежу я, раздражаясь все сильнее.

Ник чуть склоняет голову набок, и солнечный блик отражается от колечка пирсинга в его носу.

— Забирай.

Вместо того чтобы снять с шеи ремень, он встает с рейла. Я задираю голову, чтобы увидеть наглую улыбку. Кретин снимает очки, и сейчас вблизи я вижу то, чего не заметила вчера — его глаза неестественно глубоко синего цвета, настолько яркие, что на них словно наложили фильтр.

— Ты носишь линзы? — внезапно для самой себя спрашиваю я.

Издав смешок, он коротко качает головой, и я догадываюсь, что этот вопрос ему задают слишком часто.

— Что делаешь сегодня вечером? — бьет он в ответ неожиданным вопросом.

— У меня есть парень.

— Я задал другой вопрос.

Так, пора уходить. Чем дольше я стою здесь, тем больше вероятность, что нас кто-нибудь заметит.

— Отдай камеру, пожалуйста.

— Забирай.

На мгновение прикрыв веки, я втягиваю носом воздух и считаю про себя до десяти, чтобы успокоиться. Накричать на этого парня в данном случае мне не позволяет не хорошее воспитание, а именно опасение. Я не знаю, что от него ожидать.

Шагнув вперед, я осторожно протягиваю руки к ремню камеры на шее Ника. Несмотря на то, что он стоит спокойно и всем видом показывает, что не собирается лапать меня, я все равно слышу, как пульс гремит в ушах. Обхватив ремень, тяну вверх и встаю на цыпочки, чтобы снять через голову Ника.

Теплый ветер подхватывает мои волосы, одна из прядей ударяет Кретина прямо по лицу, заставляя его вздрогнуть от неожиданности. Мысленно я благодарю природу и подавляю ехидную улыбку.

— От тебя вкусно пахнет, — тихо произносит он. — Кокосом и шоколадом, как от батончика «Баунти».

Сняв камеру, я крепко прижимаю ее к груди и быстро пячусь.

— Не... Не надо меня нюхать. Извращенец, — с брезгливостью бросаю я и, развернувшись, спешу к зданию школы под смех Ника Ровера. Даже не подумаю пойти на парковку к машине в одиночестве, лучше поработаю в классе журналистики и дождусь Мейсона с тренировки.

— Эй! — окликает Кретин. — Чуть не забыл сказать: тебе очень идет голубой цвет.

Я окончательно перестала понимать, о чем говорит этот парень, поэтому игнорирую его и прячусь за дверями школы.

Глава 4 Сколько ты хочешь?

Вернувшись в класс журналистики, я бросаю рюкзак на стол и, сев в компьютерное кресло, включаю камеру. Первым делом решаю проверить целы ли снимки. При виде предпоследнего кадра я едва не роняю фотоаппарат: Ник снял себя в зеркале и из одежды на нем лишь низко сидящие на бедрах спортивные штаны. Хоть он и не качок, но, как и следовало ожидать от капитана футбольной команды, который много времени посвящает спорту, у этого парня выделяется рельефный пресс и мышцы. Не так, чтобы мне хотелось его рассматривать, просто факт. Лицо Кретина спрятано за камерой, но я точно знаю, что на его губах в этот момент играла самодовольная улыбка.

— Извращенец, — бормочу я, удаляя снимок.

Листаю кадры с прошедшего матча и почти все они на месте, удалены лишь те, на которых были запечатлены участники группы «Норд», как на парковке, так и на трибунах.

В голове без остановки крутится брошенная Ником фраза: «Тебе очень идет голубой цвет».

Догадка вспыхивает так резко, что я подпрыгиваю на стуле. Листаю галерею снимков к прошлой неделе, к тому самому дню, когда мы с Руби зависали у нее дома у бассейна и дурачились, делая глупые фотографии в купальниках.

На мне было голубое бикини.

Самое ужасное, что среди всех снимков самым вульгарным получился тот, что был сделан Руби случайно, когда я сидела на шезлонге и облизывала фруктовый лед. Это выглядит неприлично и грязно, будто рекламный баннер порносайта.

Боже!

И почему я сразу не удалила эту фотографию?

Тело бросает в пот, а ладони начинают подрагивать. Что, если Ник сольет этот снимок в Сеть? Катастрофа. Я сторю со стыда. А если это увидит мама, то мгновенно отправит меня в частную школу для девочек при церкви.

Отложив камеру, я выскакиваю из класса журналистики и спешу к выходу. Толкнув дверь на улицу, я нахожу Ника у велопарковки, он взмахивает рукой, словно знал, что я вернусь быстро.

Злость обжигает меня изнутри, и я до боли впиваюсь ногтями в ладони, призывая себя успокоиться.

— Сколько ты хочешь? — спрашиваю я, подходя ближе.

— Свиданий?

— Денег. Сколько денег ты хочешь, чтобы эти снимки никто и никогда не увидел?

Спрятав ладони в карманы джинсов, Ник перекачивается с пятки на носок.

— Прости, Баунти, — он цокает, — не вижу связи во всем сказанном.

— Ты ляпнул про голубой цвет, — напоминаю я, загибая пальцы, — точно видел фотографии у бассейна...

— И это лучшее, что я видел за всю свою жизнь.

— Следовательно, — продолжаю я, игнорируя его слова и свое желание влечь пощечину, — ты собираешься шантажировать меня и хочешь попросить денег.

— Мне не нужны деньги.

Улыбка на его губах приводит меня в ярость. Он что, намекает на что-то грязное? В долю секунды мои эмоции овладевают телом и ослепляют, рука взлетает словно сама по себе, и я даю Нику Роверу звонкую пощечину. Такую сильную, что напряженная ладонь гудит после удара.

Спустя секунду приходит осознание: я ударила парня из «Мемфиса». Чем он ответит? Ударит в ответ? Толкнет? Плюнет в лицо? Развесит мое вульгарное фото по всему городу?

— Ауч! — Потирая покрасневшую щеку, Ник смахивает упавшую на глаза челку и неожиданно для меня смеется. — Это за что?

Полностью парализованная страхом, я не могу сдвинуться с места.

— Не знаю, что за грязные мысли у тебя на уме, но я не буду делать ничего из этого, понял? — мне хочется звучать смело, но дрожащий голос подводит. — Максимум, что я могу тебе предложить — деньги.

— И зачем мне деньги?

— Не знаю, купишь себе новые кеды, — пожимаю плечами я, указывая на его обувь. — Если не устраивает, то я с радостью пойду в участок и расскажу о шантаже.

Замерев, Ник оглядывает меня с головы до ног, а затем его глаза испуганно округляются.

— погоди, ты о чем вообще? — Выставив ладони, он делает шаг, но как только я вздрагиваю, то сразу останавливается. — Послушай, ты очень красивая, но немного с приветом, ты в курсе? Я и не думал шантажировать тебя никакими фото.

Моргнув, я смотрю на алеющее пятно на его щеке.

— Но ты сказал, что мне идет голубой цвет и...

— И не соврал. Рассматривал ли я фотографии? Да. Собираюсь ли шантажировать тебя красивыми фото? Нет. С чего бы мне вообще это делать? Там и шантажировать-то нечем. — Запустив ладонь в свои волосы, он взъерошивает их. — Господи.

Раскрыв рот, тут же закрываю его, потому что действительно не знаю, что сказать.

— Кстати, насчет денег на новые кеды. — Он отходит к газону и, наклонившись, поднимает скейт, а затем бросает его на асфальт и ставит ногу на доску. — Это обувь для катки.

Мне становится стыдно за то, что ляпнула про его обувь и намекнула на нужду в деньгах. Ладно, это было даже слишком низко с моей стороны.

— Ты не ответила на мой вопрос, — напоминает Ник, надевая очки.

— Какой?

— Что делаешь сегодня вечером?

— Эй, сволочь! — Из-за угла главного корпуса к нам направляются несколько парней из команды по лакроссу, Айзека с ними нет, но он может появиться в любую секунду. — Какого хрена ты делаешь на нашей территории?

— Подождите, парни, я флиртую, — отмахивается Ник. — Если хотите понежничать со мной, то встаньте в очередь.

Отлично, я девушка капитана команды по лакроссу, а это значит, что сейчас парни будут отстаивать мою честь, а заодно заставят врага отвечать за то, что посмел зайти на территорию «Примроуз». Между нашими школами это считается преступлением, все равно что ввалиться в чужой дом без разрешения.

— Беги, — едва слышно прошу я.

Улыбка Ника становится шире, словно я сделала ему комплимент.

— Переживаешь за меня?

— Не за тебя, а за парней из нашей школы. Здесь повсюду камеры, у нас запрещены драки. Все строго, вплоть до исключения.

— А по-моему, я тебе понравился. — Повернувшись, Ник поднимает руку, показывая парням средний палец, а затем несколько раз отталкивается ногой от асфальта, набирая скорость на скейте. — Кстати, Баунти, — он указывает на свою щеку, — это было впечатляюще.

Выкрикивая ругательства, парни из команды переключаются на бег.

— Быстрее, мальчики, быстрее! Догоняйте, — провоцирует их Ник. — Вы точно спортсмены?

Не знаю, догонят ли его, зато знаю, что за кровавый ужас произойдет, если поймают. Мне бы этого не хотелось. Меня до чертиков пугают драки, насилие и вид крови. Я до сих пор не могу поверить, что дала Нику Роверу пощечину. Никогда и ни на кого раньше я не поднимала руку. Может, наши школы прокляты и мы действительно не можем решить проблемы между собой иначе?

Вечер я трачу на последнее перед каникулами дополнительное занятие по французскому языку, а после заезжаю в книжный магазин и покупаю новое издание биографии принцессы Дианы, которые коллекционирую. Я планировала не задерживаться в торговом центре, но магазин косметики снова поймал меня в капкан, поэтому я выхожу из «Ульта Бьюти» с полными пакетами увлажняющих кремов, скрабов и средств для защиты от солнца, без которых моя кожа погибнет на каникулах. Не все покупки для меня, конечно, я взяла подарки и для Руби с Линдси.

Вернувшись домой, я перекусываю свежим салатом с лососем и авокадо, который Марта заботливо приготовила специально для меня. Поднявшись в комнату, первым делом иду к компьютеру, чтобы заняться фотоотчетом для сайта. Перед тем как отобрать снимки, я удаляю фотосессию у бассейна, от одного вида этих фото у меня горит ладонь, будто я только-только ударила Ника Ровера.

Отправив Руби кадры с чирлидершами, я принимаюсь обрабатывать запечатленные игровые моменты. В такие минуты, когда я прибегаю к помощи фотошопа, настраиваю бегунком свет, играю с тенями и экспозицией, время пролетает слишком быстро. Клянусь, я могла бы заниматься этим всю жизнь.

За дверью слышится женский смех — Мейсон вернулся домой, и не один. Потерев отяжелевшие веки, я смотрю на время: папа задерживается на работе, а мама в картинной галерее на открытии новой выставки ее подруги. Что ж, сегодня нас явно ждет поздний ужин.

Встав из-за рабочего стола, я иду к двери и выглядываю в коридор: Мейсон пятится к своей комнате, на руках у него сидит девушка, вцепившаяся в его торс, как коала. Оба не замечают меня, потому что заняты поцелуями. Фу.

Еще на прошлой неделе он приводил сюда блогершу из «Мемфиса», а сегодня уже новая девушка, имя которой он вряд ли вспомнит после ее ухода. Типичный Мейсон. Не уверена, что он когда-нибудь изменится и перестанет менять девушек с такой скоростью, словно хочет побить какой-то рекорд.

Прикрыв дверь, я беру наушники, потому что не хочу случайно услышать шлепки или стоны, моя нервная система этого не переживет. Не успеваю надеть наушники, как дверь открывается. Мейсон снова зашел без стука.

— Почему не берешь трубку? Мы с Айзеком звонили тебе весь день.

— Полегче, сбавь отцовский тон. — Плюхнувшись в компьютерное кресло, надеваю наушники на шею. — Выключила звук перед французским и, видимо, забыла включить.

Скрестив руки на груди, Мейсон прислоняется бедром к столу.

— Айзек сказал, что парни из его команды видели, как около тебя крутился Ровер. На нашей территории, — он особенно выделяет последнее предложение, будто я ничего не понимаю. — Что этот урод хотел от тебя?

— Хотел извиниться за то, что уронил меня, — пожимаю плечами я и поворачиваюсь к компьютеру. Судорожно пытаюсь понять, зачем соврала, но разум быстро подкидывает ответ: ложь уменьшит вероятность новой драки.

— И все? Не угрожал, не спрашивал: ходили ли мы к копам?

— Нет. Мейсон, поверь, если бы мне кто-то угрожал, ты бы узнал это одним из первых.

Мейсон сжимает челюсти, ему не нравится мой ответ, он хочет услышать, что мне пытались причинить вред, чтобы у него был лишний повод отомстить.

— Просто разрисуй их машины в отместку, — предлагаю я.

— Слишком просто, — качнув головой, он поворачивается к двери.

— А что с той блогершей, из-за которой и случился весь скандал с «Норд»? Констанс. Я так понимаю, ты уже бросил ее. Это мимолетное развлечение стоило разукрашенного джипа?

Отмахнувшись, Мейсон прикрывает за собой дверь.

Только после разговора с братом я понимаю, что стоило бы позвонить Айзеку и сказать, что со мной все в порядке. Взяв рюкзак, достаю из кармана телефон, на экране горит множество пропущенных вызовов, и меня накрывает волной стыда. Мейсон и Айзек переживали за меня, пока я закупалась новыми кремами.

Айзек отвечает спустя два гудка:

— Детка, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спрашивает он.

— Да, прости, звук был выключен.

— Черт, я чуть с ума не сошел, когда парни рассказали, что этот псих заявился к нам в школу и говорил с тобой. Я убью его.

— Встань в очередь, — тяну я, откидываясь на спинку стула, — но боюсь, что она очень длинная.

— Проведем завтра день вместе? — неуверенно предлагает он после короткой паузы.

— Конечно.

— Бэйли?

— Да?

— Мне правда жаль, что я оказался трусом, — почти шепотом признается он. — Это дерьмо не дает мне покоя.

— Давай больше не будем об этом? Скоро каникулы и мы не увидимся целое лето, меня беспокоит только это.

— Точно?

В уголке экрана всплывает оповещение из Соцсети, и я наклоняюсь ближе к ноутбуку:

Ник Ровер: *Я так и не получил ответ на свой вопрос.*

О боже!

И он еще смеет писать мне?

— Бэйли? Ты меня слышишь?

— Эм, плохо, что-то со связью, — бормочу я, судорожно открывая Сеть. — Что ты сказал?

— Спросил, точно ли у нас все в порядке?

У «нас» может быть и да, но у меня — нет. И я срочно исправляю это, удаляя новое сообщение.

— Да, на все сто процентов.

— Ты самая лучшая, ты в курсе? Люблю тебя.

— И я тебя, до завтра.

Завершив вызов, я открываю вкладку с настройками профиля и закрываю возможность писать тем людям, которых нет в списке моих друзей. Сделав это, я ехидно улыбаюсь, но уже в следующую секунду вспоминаю о других соцсетях, поэтому трачу время на то, чтобы закрыть доступ к аккаунту везде, даже в Пинтерест.

Глава 5 Небольшие трудности

Август

Весь учебный год я представляла, как здорово будет провести лето с семьей на побережье Ки-Уэст, но мои фантазии быстро разбились о реальность. Папа пробыл на побережье всего четыре дня, а потом пришлось срочно уехать по работе. Спустя две недели его отсутствия мама стала слишком нервной, она целыми днями пыталась дозвониться до отца, а когда получалось, кричала, что он испортил лето всей семье.

Мейсон почти не появлялся дома, проводя время на пляжных вечеринках. Айзек обещал приехать в гости к середине лета, но его не отпустили родители. По итогу я провела лето в одиночестве на пляже, изредка созваниваясь с подругами и с психологом, к которой регулярно хожу уже пару лет по наставлению мамы. Она считает, что никто не любит нытиков и люди вокруг не должны знать о твоих проблемах, поэтому лучше доверять секреты человеку, который связан конфиденциальностью. Я действительно получаю удовольствие от сессий с психологом, в ее кабинете я чувствую себя в безопасности и буквально купаюсь в теплом ощущении, что мои мысли и эмоции важны, меня слышат и понимают. Правда, за каждый сеанс папа отдает крупную сумму, но мама убедила его, что это острая необходимость. Мейсон же считает психологию чушью и предпочитает давать выход эмоциям на тренировках. Спорт — его способ борьбы со стрессом и злостью.

Уезжать из Ки-Уэст мы должны были все вместе, но мама поменяла свой билет и сорвалась домой на неделю раньше, ничего толком не объяснив.

— Что-то не так, — задумчиво протягивает Мейсон, заказывая такси в приложении. — Чтобы нас никто не встретил в аэропорту? Даже водителя не прислали.

— Мама не берет трубку. — Сбросив пятый по счету вызов, я убираю телефон. — Папа тоже. Какова вероятность, что нам готовят вечеринку-сюрприз в честь возвращения домой?

— Нулевая. — Взяв наши чемоданы за ручки, Мейсон кивает на подъезжающую машину. Когда мы садимся в прохладный салон, мне перезванивает папа:

— Что случилось? — взволнованно спрашивает он. — Столько пропущенных.

— Это мы у вас хотели спросить. Мы с Мейсоном думали, что нас кто-нибудь встретит, если вам все еще нужны дети, конечно.

Виснет пауза. Мейсон посылает мне вопросительный взгляд, и я пожимаю плечами.

— Твое молчание означает, что мы вам больше не нужны? — шучу я.

— Погоди, разве вы прилетаете не завтра? Пятнадцатого числа.

Я вздрагиваю, когда водитель шлепает по рулю, сигналивая внедорожнику, перекрывшему нам дорогу.

— Сегодня пятнадцатое, пап.

Тихо выругавшись, он нервно смеется.

— Прости, милая, из-за жары голова не на месте. Я был уверен, что сегодня четырнадцатое. Мама, видимо, тоже.

— Не переживай, мы взяли такси. Скоро будем. Передай Марте, что я везу ей ожерелье из ракушек, так что с нее печенье.

Прочистив горло, папа бросает короткое «ждем» и сбрасывает звонок.

— Слышал? — Сжав телефон, я поворачиваюсь к Мейсону. — Про нас забыли. Мы что, в параллельной вселенной, где у мамы не расписан каждый наш шаг?

— Может, и правда готовят вечеринку? — с сомнением в голосе предполагает он, потирая нос.

Дорога до дома кажется вечной, у меня внутри все горит от желания поскорее увидеть папу и Марту, по которым я жутко соскучилась.

Телефон разрывается от оповещений — Руби и Линдси обсуждают, когда мы сможем пойти по магазинам, чтобы закупиться горой одежды и канцелярией на новый учебный год. Айзек присылает цифру «5» и эмодзи разбитого сердечка — столько дней осталось до его возвращения в Уэст-Мемфис, и я отправляю ему разбитое сердечко в ответ.

Мейсону, кажется, звонит весь город. Мы только вернулись, а его уже пригласили на несколько вечеринок. Пока брат громко смеется и глупо шутит, болтая с друзьями, я смотрю в окно. В груди разливается тепло от вида знакомых улиц, торговых центров и кафе. Не могу поверить, что уже в следующем году буду учиться в университете и надолго уеду отсюда.

Когда мы заезжаем на родную улицу, то я не могу перестать улыбаться, наш дом ни капли не изменился, но я внимательно рассматриваю каждую деталь: крыльцо с колоннами, круглое витражное окно на чердаке, светлый фасад и почтовый ящик в виде копии дома.

Выйдя из машины, я закидываю сумку на плечо и иду следом за Мейсоном, который катит наши чемоданы. Мы не успеваем дойти до крыльца, как входная дверь открывается, но встречают нас не родители, а семейный юрист.

— Привет, мистер Палмер, — замедляет шаг Мейсон. — Какими судьбами?

— Привет, ребята, как каникулы? — тараторит он, проходя мимо и взмахивая рукой. — Простите, жутко спешу.

Оставив чемоданы на крыльце, мы заходим в дом. В холле никого, поэтому я иду следом за Мейсоном в гостиную. Сидя в кресле, мама утирает слезы платком, а папа, откинувшись на спинку дивана, массирует виски.

— Что случилось? — спрашивает Мейсон.

Вздвигнув, мама растягивает дрожащие губы в улыбке.

— Наконец-то приехали, — выдыхает она, разыгрывая непринужденность. — Мы вас жаждали.

Поднявшись, папа идет в нашу сторону, раскрывая руки для объятий.

— Как вы выросли за лето.

— Вы что, разводитесь? — озвучивает Мейсон страшный вопрос, который зудит в моей голове с того момента, как мы перешагнули порог гостиной.

— С чего ты взял? — Рассмеявшись, папа похлопывает его по плечу и после коротких объятий, подходит ко мне. Утонув в отцовских руках, я с наслаждением вдыхаю аромат его парфюма.

— Мы встретили на крыльце мистера Палмера, — поясняю я. — А вы оба выглядите разбитыми.

— Никто ни с кем не разводится, — успокаивает папа. — Просто возникли небольшие финансовые трудности.

Хмыкнув, мама тут же всхлипывает, прикрывая рот платком.

— Идите наверх, отдохните с дороги, а потом поговорим, хорошо?

— Но папа...

— Я сказал позже, — строго повторяет он, и на этот раз мы слушаемся.

Пока Мейсон заносит чемоданы, я достаю из сумки ожерелье из ракушек, о котором просила Марта. Конечно, я не могла ограничиться только этим и взяла несколько браслетов из коралловых камней и бирюзы.

Сжав коробочку с украшениями, подхожу к кухне, из которой на мое удивление не доносится аромата еды. Плита непривычно пустая, ничего не дымится и не шкварчит. Наверняка Марте дали выходной, потому что родители ждали нас завтра. Развернувшись, я иду в свою комнату, чтобы поскорее принять душ.

— Мы банкроты, — голос папы эхом звучит в моей голове вот уже десять минут.

Я катаю по тарелке брюссельскую капусту в сливочном соусе и пытаюсь осознать услышанное, вникнуть, но ни черта не выходит.

— Подождите секунду, хочу убедиться, что правильно все понимаю. — Прикрыв веки, Мейсон потирает лоб. — Ты решил вложиться в строительство торгового центра, да к тому же влез в долги, но прогорел?

Мейсон сильно упростил и сократил историю. Из рассказа папы я успела понять, что старый знакомый предложил папе стать партнером по бизнесу и вложиться в строительство торгового центра в Оклахоме. Сделка была перспективной, новый район разрастался, жилые застройки вырастали одна за другой. Землю уже всю готовили к застройке, когда неравнодушные люди обнаружили на месте строительства Черношапочного виреона — исчезающий вид птицы. Засняв виреона на видео, они отправили его в фонд по защите дикой природы. Деньги на застройку и вложения были утеряны, а юридические издержки и баснословный штраф заставили отца влезть в крупные долги.

— Мы теперь что, бедные? — Мейсон произносит последнее слово с безразличностью, будто речь идет о гниющих язвах.

— Скажи спасибо, что я сижу здесь, а не в тюремной робе, сынок.

Папа не кажется раздраженным или злым, я только сейчас замечаю, что он выглядит изрядно уставшим. А еще он похудел, щеки осунулись, а под глазами лежит отпечаток бессонных ночей в виде темных кругов.

— Поверьте, это временные трудности, мы со всем справимся. Какое-то время будет нелегко, но я уже один раз поднялся с нуля, значит смогу сделать это еще раз, мне всего лишь нужна ваша поддержка, хорошо?

Глядя в стол, мама поджимает губы и кивает, по ее щекам льются слезы на протяжении всего нашего разговора, я еще никогда не видела ее такой разбитой. Она ненавидит показывать эмоции, а тем более слабость.

— Что теперь будет? — спрашиваю я слегка охрипшим от пересохшего горла голосом.

— В первую очередь мы продаем дом, пляжный домик тоже.

В грудь словно врезается ладонь и, сжав пальцы на моем сердце, вырывает его.

— Нужно расплатиться с долгами. Мы найдем дом поскромнее, ничуть не хуже этого, обещаю. Но это еще не все перемены. — Сцепив ладони в замок, папа поочередно смотрит на нас Мейсоном, вот теперь он выглядит суровым, одним взглядом прося нас сидеть молча. — Мы с мамой не потянем ваше обучение в «Примроуз», как и дополнительные занятия.

Вилка выпадает из моих пальцев. Мейсон, сжав переносицу, громко чертыхается.

— Я звонил в администрацию школы, пытался договориться о кредитной основе или о переносе оплаты, к сожалению, они не пошли навстречу. Но есть хорошие новости для тебя, Мейсон, школа не готова терять их лучшего игрока в футбол, так что директор посоветовался со спонсорами спортивного комитета, они готовы выдать тебе грант.

— А я?

В ответ я получаю долгое молчание и виноватый взгляд родителей.

— Прости, принцесса.

— Но у меня тоже куча заслуг перед школой и...

— Поверь, я сделал все, что мог, Бэйли. Мне очень жаль.

Мой мир только что разрушился на кусочки. На удивление, глаза даже не слезятся, нет желания разреваться или кричать. Я просто жду момент, когда проснусь от этого кошмарного сна.

— Бэйли, поверь, я знаю, как тяжело тебе придется, но это не конец света, — успокаивает папа. — Остался всего один учебный год. Уверен, в новой школе ты быстро освоишься и заведешь друзей.

Перед глазами всплывает обшарпанный коридор «Фолк», антисанитария в туалете и парковка с тусклыми фонарями. По спине пробегает дрожь. Я ни за что на свете не хочу учиться в школе, похожей на эту.

— Вы знаете, что я закончил «Мемфис» и думаю, это отличный вариант.

— Нет! — выкрикиваю я, и мы с Мейсоном одновременно подсакиваем с мест, роняя стулья.

Это еще хуже, чем «Фолк».

Это хуже, чем преисподняя.

— Она не пойдет туда учиться, папа.

— Я зашел на сайт школы, там осталось много преподавателей, что были и у меня. Поверьте, это хорошие люди и большие профессионалы.

— Это школа для отстающих! — огрызается Мейсон. — Там даже не люди, им всем место на скотобойне...

— Не с этой ли скотобойни ты приводил девушку в наш дом? — вскидывает бровь отец.

— Я не пойду туда, — твердо произношу я, сжав кулаки. — Делайте со мной, что хотите, хоть из дома выгоняйте, но я не переступлю порог этой школы.

— Тебе легче убить Бэйли прямо сейчас, — фыркает Мейсон, — потому что в «Мемфисе» из нее сделают отбивную.

Я несколько не сомневаюсь в словах Мейсона. Мой живот больно скручивается, а глаза начинает жечь от резко выступивших слез.

Отец хлопает по столу, заставляя вздрогнуть всех в комнате.

— Я вас не уговариваю, а ставлю перед фактом. Поверьте, у меня есть намного более серьезные проблемы, чем ваши подростковые войны. — Папа тяжело вздыхает и черты его лица становятся мягче — уже жалеет, что повысил тон. — Знаю, что вы много лет играете во врагов с этой школой, но там учатся такие же ребята, как и вы. Да, они не знают вашей жизни, у вас, в отличие от них, серьезные проблемы, например, выпросить новый телефон, ведь вышла очередная модель. Они не тратят кучу денег на вещи и живут обычную жизнь подростков, пока вы, ребята, играете во взрослых. Я знаю, о чем говорю, потому что учился там, потому что сам был одним из них. Эти дети не любят выскочек и когда на них смотрят свысока, а вы со своими друзьями только этим и занимаетесь.

— Мам, — я посылаю ей беспомощный взгляд.

— Сядьте оба и не перевайте отцу. Все, что происходит — делается не назло вам, это вынужденные меры.

Родители молча ждут, их суровые взгляды — приказ, которому нельзя не подчиниться, поэтому мы с Мейсоном нехотя поднимаем стулья и садимся.

— Нужно обсудить ваши карманные расходы, — продолжает папа, и мне хочется взвыть.

— Давайте для начала определимся с названием ресторана, в котором вы заказали эту еду, — Мейсон с недовольным видом перекачивает по тарелке брюссельскую капусту. — Добавляем их в черный список, это невозможно есть. Быстрее бы Марта вернулась с выходных.

Черты маминого лица становятся жесткими. Швырнув тканевую салфетку на стол, она поднимается и, стуча каблуками, спешно выходит из гостиной.

— Ужин готовила мама, так что впредь будь аккуратен с выражениями, — предупреждает папа. — А насчет Марты... Нам пришлось с ней попрощаться.

— Что? — мне хотелось крикнуть, но с губ срывается лишь шепот. Будто по голове ударили, а затем выбили почву из-под ног.

— Поверьте, для нас это решение было тяжелым, Марта член семьи. Я дал ей хорошие рекомендации и помог устроиться на работу в дом приятеля из теннисного клуба. У Марты все хорошо.

Я смотрю на Мейсона. Жду, что хотя бы он сможет выругаться и возразить, но он растерян, что большая редкость.

Плохие новости давят со всех сторон, я словно попала в темную комнату, стены которой сужаются и вот-вот раздавят меня. Слишком много для одного ужина. В горящих легких не хватает воздуха. Больше не могу сидеть здесь, сдерживая эмоции, и послушно кивать.

Поднявшись на ватных ногах, я иду к выходу.

— Бэйли, вернись за стол. Я не закончил.

Не оборачиваясь, я сжимаю кулаки и прибавляю шаг.

Глава 6 Тебе идет

Захлопнув дверь в свою комнату, я шагаю к окну, подняв раму, вылезая на косой козырек и присаживаюсь. Вечерний воздух наполнился прохладой, но черепица еще не остыла после жаркого дня, и я чувствую ее тепло сквозь льняные шорты.

Посреди тихой улицы слышен лишь стрекот сверчков, сквозь окна дома напротив видно, как семья Голдбергов ужинает и дружно смеется над чем-то, они всегда выглядят так, будто живут в рекламе идеальной семьи. Я завидую им. И уже не в первый раз. Завидую уюту и непринужденной обстановке. У Голдбергов ничего не изменилось, а реальность нашей семьи развалилась на кусочки.

— Не помешаю? — доносится позади голос Мейсона.

Не оборачиваясь, я обнимаю себя за прижатые к груди колени и качаю головой. Мейсон бесшумно приземляется рядом, глядя в окна дома напротив, мы молчим какое-то время.

— Мне жаль насчет школы. Я переведусь вместе с тобой.

У меня скручивает живот от мысли, что Мейсон появится в «Мемфисе», это все равно что выйти в одиночку на боевую арену против легиона врагов.

— Нет, не вздумай. — Облизнув пересохшие губы, я встряхиваю головой, представляя кровавые картинки драк. — Не хочу, чтобы твоя спортивная карьера завершилась, так и не начавшись, потому что ты стал калекой.

— Эй, спасибо за веру в меня! — Легонько толкнув меня плечом, он усмехается.

— Ты знаешь, о чем я. Ты никогда не пытаешься избежать драки, Мейсон, а наоборот лезешь в нее. Но меня сейчас волнуем даже не мы, а...

— Марта, — перебивает брат, озвучивая мои мысли. — Меня тоже. Поверить не могу.

Марта заменяла нам родителей. Папа вечно был на работе, мама занималась выставками, благотворительными фондами и встречами с друзьями из загородного клуба. Марта кормила нас, баловала, водила на экскурсии в музеи, хвалила за хорошие отметки, укладывала спать и читала нам сказки на ночь. Я не представляю своей жизни без нее.

— Все наладится, Бэйлс, — приобняв за плечи, Мейсон прижимает меня к себе, — не знаю как, но наладится.

Позади доносится тихий стук. Уперевшись руками в подоконник, папа посылает нам виноватый взгляд. Он быстро отходит и всегда чувствует вину, когда повышает на нас голос.

— Послушайте, знаю, что все резко навалилось на вас, ребята. Но я все улажу, обещаю. Мне всего лишь нужно время и ваша поддержка. И будьте помягче с мамой, ей сейчас нелегко.

Искреннее сожаление в голосе отца в разы уменьшает мою злость.

— Нам даже не дали возможности попрощаться с Мартой. — Сжав кулаки, я едва сдерживаю слезы. — Вы просто решили стереть ее, будто ее никогда не существовало.

— Это не так, принцесса. Марта любит вас, а мы ее, но не забывай, что у нее есть свои дети, которым нужно помогать. Паркер славный парень, у него отличная семья, Марте там будет хорошо. Поверь, мне тоже нелегко далось это решение. Но все, что я делаю — ради вас, даже если сейчас эти решения кажутся вам несправедливыми. Я не против вас, а за вас. Договорились?

Папа выдает вымученную улыбку, и мы с Мейсоном делаем то же самое.

— Все ведь будет только хуже, верно? — спрашиваю я, когда папа уходит.

Мейсон не отвечает, но по плотно сжатым челюстям я догадываюсь, что он согласен со мной.

После звонка Марте я узнала, что она теперь работает на другом конце города. Мы договорились встретиться на следующие выходные, и я безумно жду встречи.

Айзек возвращается уже сегодня, Руби и Линдси приедут в город на следующей неделе, я пока не говорила им о проблемах в семье, кажется, что все вот-вот разрешится и никакого перехода из «Примроуз» не будет.

Все утро я провожу перед зеркалом, подбирая наряд. Гардероб большой, но мне катастрофически нечего надеть. Сейчас бы на шоппинг, но папа ясно дал понять, что мы не можем позволить себе лишние траты, поэтому я выбираю легкое платье-халат, которое очень нравится Айзеку. Нанеся макияж, распускаю и снова собираю волосы, а затем решаю завить локоны.

Надев босоножки, беру сумку и, выскользнув за дверь, стараюсь как можно бесшумнее идти по коридору. У мамы в последние дни разыгралась сильная мигрень, она лежит в комнате с плотно задернутыми шторами, отказывается от еды и жалуется, что мы даже дышим громко. Разговаривать мы стараемся тихо, никакой музыки и разговоров по телефону, потому что это нервирует маму.

У двери в родительскую спальню стоит поднос с нетронутым завтраком, который я оставила пару часов назад. Я с нетерпением жду, когда Сьюзан Уайт вернется с мужем с Санторини и позовет маму помочь в галерее современного искусства — только рядом с подругой мама словно оживает и много улыбается.

Сев за руль, я стараюсь не хлопать дверцей. Кажется, что мамина головная боль обострила ее слух и теперь она слышит все звуки в округе. Я привыкла к ее приступам мигрени, они случаются довольно часто, особенно после сильных стрессов. В детстве я видела закрытую дверь в родительскую комнату чаще, чем саму маму. Она пряталась в спальне от шума и света, я писала ей ободряющие записки, в которых рассказывала, как прошел мой день, и отправляла их под дверную щель, в надежде получить ответ. Иногда она отвечала, обещав, что скоро поправится, а иногда ответа не было по нескольку дней.

Припарковавшись рядом с кафе-мороженым, я выхожу из машины. В «Свит Айсберри» самое вкусное протеиновое мороженое в мире и сегодня я планирую съесть огромную порцию. Ярко-красный мазерати Айзека стоит неподалеку, и на моих губах расплывается широкая улыбка — он уже здесь.

Толкнув дверь, я торопливо захожу в прохладное кафе и пробегаюсь взглядом по переполненным кабинкам. Айзек сидит в конце зала, на столе рядом с ним меня уже ждет любимое мороженое и молочный коктейль.

Я подхожу ближе, и Айзек, наконец, замечает меня, его красивое лицо озаряет улыбка, и нельзя не заметить, как этот парень возмужал за лето. Поднявшись, он в два шага сокращает расстояние между нами и крепко обнимает меня, окутывая ароматом парфюма с древесными нотками.

— Я так соскучился, детка! — Не дав ответить, он сжимает мои щеки и целует меня. На его губах привкус шоколадного мороженого, не протеинового, а настоящего, запрещенного для меня, но, черт возьми, как же я скучала не только по Айзеку, но и по обычному калорийному мороженому!

Айзек отстраняется, и я замечаю, как он вытянулся в росте, он в отличной форме и явно не забрасывал тренировки на каникулах. Выглаженная рубашка с закатанными рукавами, льняные брюки, уложенные волосы и дорогие часы — оживший принц, не меньше.

— Выглядишь отлично. — Я протягиваю пальцы, чтобы поправить загнувшийся воротник его рубашки, но тут же останавливаю себя и опускаю руку, потому что узнаю в этом жесте свою мать. Терпеть не могу, когда она делает это.

— Спасибо, но не могу сказать того же о тебе, что с лицом? — Склонившись ближе, Айзек заправляет прядь волос мне за ухо. — Глаза красные и опухшие. Не выпалась или всю ночь проплакала из-за какого-нибудь слезливого фильма?

Натянув улыбку, я обхожу Айзека, сажусь на розовый диванчик и притягиваю к себе креманку с клубничным мороженым.

— Бэйли? — Сев напротив, Айзек кладет руки на стол и сцепляет пальцы в замок. — Я совсем не так себе представлял нашу встречу после нескольких месяцев разлуки. В чем дело?

— Как родители? — меняю тему я и отправляю в рот ложку. — Ты научил отца серфить?

— Знаешь, у меня от твоего поведения мурашки по коже, — посмеивается он, потирая шею. — Либо ты нервничаешь, потому что собираешься бросить меня, либо хочешь сказать, что летом завела курортный роман.

— Либо я действительно хочу знать, научился ли твой отец серфить.

— Бэйли.

Нахмурившись, Айзек притягивает мою креманку к себе.

— Эй!

— Рассказывай в чем дело.

Еще несколько долгих мгновений я колеблюсь, потому что после сказанного все станет реальным, мы будем обсуждать проблемы, школу, перевод и это разрушит тонкие стенки иллюзии, что ничего не изменилось.

Забрав креманку, я нехотя рассказываю, как мы с Мейсоном вернулись домой и какие новости на нас свалились. По мере рассказа глаза Айзека округляются все сильнее, а к концу истории он выглядит так, будто я выплеснула ему в лицо стакан холодной воды. Когда я заканчиваю, он молчит какое-то время, за которое я успеваю съесть половину подтаявшего мороженого.

— Черт, мне очень жаль, детка. Может, мой отец может чем-то помочь?

— Уже. Папа должен ему большую сумму.

— Уверен, мистер Шепард быстро разберется с проблемой. Но все равно какой-то бред, он не может отправить тебя учиться в этот зоопарк!

— Я сама в это не верю, — вместе с шумным выдохом горло сводит от внезапного желания разреветься, аппетит пропадает, и я отодвигаю от себя креманку. — Ни за что не пойду в эту школу.

— Эй, только не плачь. — Сжав мою ладонь, Айзек поднимается. — Пойдем, отведу тебя в место, которое всегда поднимает тебе настроение.

Айзек оказался прав, «Аркадалэнд» всегда поднимает мне настроение и дарит ощущение праздника — множество игровых автоматов, бильярд, пинбол, танцевальные машины, мотосимуляторы и мой любимый аэрохоккей. Зал пестрит разноцветными неоновыми огнями, на разрисованных стенах изображены Пакман, Марио, Соник и прочие герои старых видеоигр. Здесь царит атмосфера детства, звучат веселая музыка, радостные возгласы и смех. Заходя в «Аркадалэнд» ты лишаешься возраста, ведь даже взрослый становится здесь ребенком.

Айзек покупает жетоны и идет к ряду столов с аэрохоккеем. Как только монеты падают в жетоноприемник, стол загорается светло-голубым неонам, в отверстие выпрыгивает шайба, которую я вынимаю.

— Помнишь, как проиграла мне здесь первый поцелуй?

— Вообще-то я поддалась, — с улыбкой вспоминаю я, обхватывая битку. Пока внимание Айзека приковано к моему декольте, я бью по шайбе: она стрелой проскальзывает по столу и вонзается в ворота напротив.

— Эй! Ты не сказала, что мы начинаем.

— Один-ноль, — стучу я битой по столу. — Игра начинается, как только загорается табло.

Айзек слабо стоит на воротах и пропускает две шайбы подряд.

— Прости, не могу сосредоточиться, все мысли о твоей груди, — он с ухмылкой косится на вырез платья. — Надеюсь, на каникулах ты не играла с парнями в пляжный волейбол или вроде того.

— Нет, я почти все лето провела в одиночестве.

— Привет. — На стол падает тень, а от отдаленно знакомого голоса я пропускаю шайбу в свои ворота.

Оперевшись руками в край стола, перед нами стоит парень. Темная челка спадает на лоб, в ярко-синих глазах отражается голубая подсветка, уголок губ приподнят усмешке. Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы узнать в этом красивом парне Ника Ровера, и как только это происходит, его привлекательность для меня уменьшается в разы. Кретин.

— Я все лето пытался связаться с тобой, Бэйли.

— Какого черта? — возмущается Айзек. — Катись отсюда!

— Не мешай, — отвечает ему Ник, не сводя с меня пристального взгляда, — мы разговариваем.

Кретин здесь не один, у соседнего стола его ждет друг, козырек бейсболки низко надвинут на глаза, скрывая лицо, но я вижу пирсинг в уголке его нижней губы. Скрестив руки на груди, парень молча наблюдает за происходящим, словно личный охранник Ника.

— Оставь нас в покое. — Я наклоняюсь, чтобы забрать шайбу из отверстия и замечаю, как подрагивают мои пальцы. Черт, папа правда хочет, чтобы я училась в «Мемфисе»? У меня внутренности дрожат от одного присутствия ребят из этой школы.

— Сходим куда-нибудь? — предлагает Ник таким беззаботным тоном, как будто в последние полчаса мы мило флиртовали друг с другом.

— Все, достаточно. — Бросив битку на стол, Айзек вплотную подходит к Нику. — Я сказал, катись отсюда.

Напряженная челюсть и сжатые кулаки Айзека ничуть не пугают Кретина, а лишь заставляют его усмехнуться.

— Так-так-так, парень, что боится зажигалок, кажется?

Айзек тяжело сглатывает, щеки краснеют, а это значит, что комментарий с зажигалкой уколол его.

— Чтобы я больше не видел тебя рядом со своей девушкой.

Ник пожимает плечами.

— Тогда закрой глаза, зайчик, и не увидишь.

Выбросив руки вперед, Айзек толкает Ника в грудь, и я вскрикиваю от испуга, но между ребятами очень вовремя влетает парень в бейсболке.

— Здесь дети кругом, — напоминает он, кивая на зал. — Завязывайте.

— Я и не собирался, босс. — Вскинув ладони, Ник ухмыляется, словно разозлить Айзека и было его целью.

Бросив битку на стол, я беру разъяренного Айзека за руку и тяну к выходу.

— Пойдем. Давай же, уходим.

Он нехотя поддается.

— Баунти, — окликает Кретин, и я хочу дать себе пощечину за то, что оборачиваюсь. — Тебе идет, — подняв палец, он крутит им в воздухе, имитируя мои локоны.

Раздраженно выдохнув, я крепче сжимаю ладонь Айзека и прибавляю шаг.

— Какого хрена он себе позволяет?! — выпаливает Айзек, как только мы выходим на улицу. Он вновь шагает к раздвижным дверям «Аркадалэнда», но я упираюсь руками в его грудь, останавливая. — Сейчас посмотрим, как он заговорит.

Похлопав ладонями по карманам брюк, Айзек достает телефон.

— Что ты делаешь? — устало спрашиваю я, хотя уже прекрасно знаю ответ.

— Вызываю подкрепление. Видела, какой он смелый рядом с другом? Конечно, двое против одного!

— Давай просто уйдем. — Забрав телефон из его ладони, я качаю головой. — Ты же видел, что он именно этого и добивался, провоцировал тебя.

— Что ж, у него получилось. Отдай телефон.

— Мы не виделись целое лето. Давай просто забудем и проведем хороший день вместо того, чтобы устраивать драку, хорошо? А вдруг ты повредишь руку и из-за этого придется пропустить тренировки?

Тяжело дыша, Айзек раздумывает, смотря то на меня, то на двери «Аркадалэнда». В итоге он сдается и, кивнув, позволяет мне увести его в сторону кинотеатра.

Вечером родители уходят на юбилей папиного бывшего коллеги по работе. Мама не хотела идти, ссылаясь на мигрень, но папа уговорил ее, убедив, что нужно немного отвлечься от проблем и выдохнуть. Вместе с тем выдохнули и мы с Мейсоном — наконец-то можно поесть вредной еды, не прячась, а еще посмотреть фильм в гостиной на нормальной громкости.

— Все мои запасы. — Мейсон встряхивает бумажным пакетом и высыпает на кухонный остров шоколадные батончики, драже и чипсы. — Что у тебя?

— Черное золото, — я указываю на две банки колы. — И еще упаковка лакричных палочек.

Запрокинув голову, брат издает недовольный стон.

— Бэйлс, издеваешься? Диетическая кола? А где нормальная?

— Это и есть нормальная.

— Лакрица и кола без сахара, ты бесполезный напарник.

Раздается звонок в дверь, и мы переглядываемся.

— Кого принесло в такую погоду? — задумчиво спрашиваю я, глядя на бьющие по стеклу капли дождя.

— Надеюсь кого-то, у кого есть нормальная кола.

Закатив глаза, я иду к выходу.

Открыв дверь, я ежусь от порыва холодного ветра. На крыльце в свете потолочного фонаря стоит девушка, ее длинные каштановые волосы намочили от дождя, тушь растеклась под глазами, а короткая ветровка блестит от капель. Я не сразу узнаю ее. Констанс, та самая блогерша, из-за которой у Мейсона разгорелся скандал с «Норд».

— Привет, — она выдавливает улыбку, — Мейсон дома?

Обернувшись, я вижу в холле Мейсона, который рьяно мотает головой и размахивает руками.

Я против того, чтобы мой брат кружил головы девушкам и бросал их без объяснений, он проворачивает это слишком часто. Из-за его интрижки разгорелся крупный интернет-скандал, так что Мейсон просто обязан найти смелость и поговорить с Констанс.

— Дома, — подавляя ехидную улыбку, я открываю дверь шире, — проходи.

— Спасибо. — Неловко топчась на месте, Констанс не сразу решается войти. Опустив голову, как наказанный ребенок, она нерешительно проходит.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Мейсон далеко не милым тоном. Спрятав ладони в карманы спортивных штанов, он смотрит на Констанс с раздражением, будто перед ним не бывшая девушка, а дополнительная домашняя работа.

— Полегче, — произношу я одними губами, проходя мимо него в сторону кухни.

— Я пришла поговорить.

— Не о чем.

Остановившись за углом, я решаю повести себя ужасно и подслушать разговор. Не понимаю, почему Мейсон так груб с ней? В смысле, он ведь точно знал, чем все обернется, когда ввязывался в эту интрижку. Констанс правда ему так сильно понравилась или же он просто хотел досадить одному из «Норд»?

— Я не могу перестать думать о тебе, Мейсон. Ты говорил, что мы будем вместе, наплел о каких-то планах на будущее.

— Передумал.

Мой брат — настоящая сволочь.

— Я все лето об этом думала, о нас, не могу толком понять, что произошло и что я сделала не так? Знаю, что свалилась на тебя сейчас слишком неожиданно, но Оливер вот-вот вернется с каникул из Европы, он хочет, чтобы мы снова были вместе, но перед тем как ответить ему, я должна знать, есть ли у меня шанс быть с тобой?

— Нет, — выдает Мейсон, не раздумывая ни секунды. — Прости, но я должен сосредоточиться на учебе и спорте, это важно для моих родителей. Я не могу пойти против них, понимаешь? Как бы ни хотел обратного.

Лжец и манипулятор. Не могу поверить, что я искренне люблю этого человека и готова, не раздумывая, отдать за него жизнь.

Констанс всхлипывает, но ничего не отвечает.

— Тебе пора. Вот, возьми зонт. Извини, не могу проводить, обещал позаниматься с сестрой учебой, она до сих пор плохо читает, буквально по слогам. Проблемы с малых лет.

Придурок.

— Подслушивала? — спрашивает Мейсон, захлопнув за Констанс дверь.

— Да, — признаюсь я, показываясь из укрытия. — Почему ты так груб с ней? Она ведь плакала. Только представь, девушка думала о тебе все лето, мог бы проявить хоть каплю сочувствия.

— Почему я должен быть вежлив? Я устал, Бэйлс, не конкретно от нее, а от девушек, которые после пары поцелуев верят в наше «навсегда и навечно».

— Боже мой, как же ты страдаешь, — наигранно вздыхаю я, покачивая головой.

— И буду страдать еще больше из-за колы без сахара, — бросает он, проходя мимо меня на кухню. — Включай «Нетфликс», сейчас принесу еду.

Я наблюдаю за плачущими из-за Мейсона девушками уже несколько лет. Порой мне кажется, что у моего брата отсутствует ген, отвечающий за романтику и тягу к любви. Он с азартом добивается девушек, а после теряет интерес и бросает их без сожаления. Мейсон хороший друг и заботливый брат, но вот в сердечных делах он абсолютный и безжалостный монстр.

Глава 7 Хорошие девочки мечтают о плохих мальчиках

— Не могу поверить, что вы теперь бедные! — повторяет Руби уже в третий раз за последние пару минут. Сидя на пушистом ковре посреди моей комнаты, она игнорирует бесконечные оповещения телефона, — а такое увидишь редко, — обычно Руби вечно пялится в экран, читая сплетни шоу-бизнеса и переписываясь с Эштоном из волейбольной команды.

— Мы временно без денег, — поправляю я. — Хотя уже не уверена, что это временно. Папа выставил дом на продажу, но заломил слишком высокую цену, говорит, что это дает возможность для торга.

— Вы не можете переехать. — Обняв подушку, Линдси прислоняется к спинке кровати, часто моргая, она пытается прогнать слезы, и от вида ее дрожащей губы мне самой хочется разреветься. — В школе без тебя все будет не так. Что будет с сайтом, газетой? Что будет с нами в конце концов? А выпускной? Мы же столько лет его планировали!

— Если ответственной за организацию выпускного станет Пенелопа, то все будет хорошо. Я оставлю ей ежедневник с планом, — успокаиваю я Линдси.

Лежа на полу рядом с Руби и глядя в потолок, я вспоминаю, как из года в год мы устраивали совместные ночевки в этой самой комнате, планировали будущее, обсуждали парней, школьные сплетни и представляли, как оторвемся на самом лучшем выпускном в мире.

— А что на это говорит твой психолог?

— Она сейчас в отпуске, но вчера выделила мне бесплатные полчаса по видеосвязи, посоветовала вести видеодневник, чтобы справиться со своими эмоциями и взглянуть на все объективно. Сказала, что будет рада, если мы сможем возобновить сеансы, когда решатся финансовые проблемы нашей семьи.

— В этом вся сущность психологов, — вздыхает Линдси. — Они внедряются в доверие, делают вид, что понимают тебя лучше всех на свете, становятся родителем, другом и учителем в одном лице, а потом осознаешь, что ты нужен не потому, что хороший человек, а потому, что платишь бешеные деньги.

— Все так. У меня чувство, будто мной воспользовались и бросили.

— Боже, это ужасно! — ахает Руби, глядя в телефон.

— Тише, мама попросила не шуметь, — напоминаю я, прижав палец к губам. — Что у тебя там? Тимоти Шаламе завел новую девушку?

— Только посмотри, куда отец хочет отправить тебя учиться, — повернув экран, она бегло листает снимки школы «Мемфис». — Это похоже на черный ход «Уолмарт», а кафетерий вообще напоминает тюремную столовую! Архитектор явно ненавидел детей.

— Выглядит как среднестатистическая школа, — пожимает плечами Линдси. — Возможно, их просто перестали финансировать?

— Да, и это произошло примерно в позапрошлом веке. Бэйлс, твои родители точно тебе родные? Иначе не знаю, как объяснить это.

Нервно рассмеявшись, я закрываю лицо руками и в этот момент чувствую, что готова расплакаться. В последние дни такое со мной происходит часто — смех на грани слез. Я думала, что с приездом подруг мне станет легче, но выходит наоборот, потому что чем больше времени мы проводим вместе, тем чаще думаю о том, что скоро мы будем видеться гораздо реже.

— Что говорит Айзек? Неужели его семья никак не может помочь?

— Они уже помогли. Айзек расстроен не меньше меня, он попытался поднять мне настроение, но в итоге оно испортилось у нас двоих из-за придурка из «Мемфиса».

— Ты о ком?

— Капитан «Пираний», — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — Кретин с зажигалкой, что украл мой фотоаппарат. Пытался вывести Айзека из себя, позвал на свидание прямо при нем, но каким-то чудом удалось избежать драки.

— Он ведь в рок-группе играет, да? Как там она называется, «Норд»? — Руби стучит пальцами по клавиатуре, а затем поворачивает экран ко мне. — Какой из них?

На снимке четыре парня сидят в скейт-парке на рампе на фоне закатного неба. Руби проводит двумя пальцами по экрану, приближая лица.

— Самый последний, справа.

— А он горячий... Черт, да они все хороши, жаль, что полные козлы.

— Мне больше всех нравится Джейк, тот, что с пирсингом в губе, — как бы невзначай бросает Линдси, и мы с Руби удивленно переглядываемся. — Что? Почему вы так смотрите?

— Знаешь их по именам? — Потянувшись за банкой с диетической колой, Руби с шипением открывает ее. — Фанатка беспризорников?

— Видела парочку их роликов в Тиктоке, вылезли в рекомендациях, — оправдывается Линдси, потирая порозовевшие щеки. — Потом прочла комментарии и узнала чуть больше. Оказывается, Оливер, их солист, переехал сюда из Норвегии и основал группу, «Норд» переводится с норвежского как «север», но на самом деле каждая буква в названии — это первые буквы имен участников. Ник, Оливер, Рэм и Джейк.

— Меня одну смущает, что имя «Джейк» начинается с буквы «J»? — усмехается Руби. — Тут что-то не складывается.

— Нет, его имя начинается именно с «D», но никто толком не знает, почему оно так пишется. Согласитесь, это интересно?

— А мне интересно, почему ты так много знаешь о них?

— Говорю же тебе, Бэйлс, видела в Тиктоке и читала комментарии, просто было интересно узнать, откуда у них так много фанатов. Музыка для меня слишком грубая, но картинка красивая. Только не надо смотреть на меня так, Руби сама только что сказала, что они все хороши!

— Ладно, у каждой хорошей девочки есть фантазия о плохом мальчике, — с умным видом заявляет Руби, заправляя за ухо прядь волос. — Что касается плохого мальчика Бэйли, то все забавно, но не будем забывать, что ваше знакомство началось с кражи фотоаппарата и вандализма над машиной твоего брата.

— У меня нет никаких фантазий о плохом мальчике, — фыркаю я, приподнимаясь на локтях. — У меня есть парень и куча проблем, а Ник Ровер в черном списке во всех соцсетях.

— Он писал тебе? — Зеленые глаза Линдси вспыхивают от интереса. — Что хотел?

— Хотел рассказать, что его друг Джейк влюбился в тебя, — закатывает глаза Руби. — Ты одержима парнями, Линдс. Если хочешь познакомиться, просто поставь лайк на его последний пост, если напишет — значит заинтересован. А если нет — не трать на него время.

— Нет, фу, ни за что не стала бы встречаться с кем-то из «Мемфиса». Уже и спросить ничего нельзя.

Линдси грезит отношениями и любовью. Она красивая, добрая, смешная, но при этом у нее не складывается с парнями. Линдси нравится влюбляться в незнакомца, навязывать ему ярлыки, представлять, как они пойдут на свидание, но как только она узнает парня поближе, то бежит со всех ног, потому что он не вписывается в образ, который она представляла.

— Как насчет того, чтобы отвлечься шоппингом? — предлагает Руби. — А после я, может быть, расскажу вам, что произошло в бассейне между мной и парнем из номера напротив.

— Шоппинг и грязные истории, как же я скучала по вам! — Похлопав в ладоши, Линдси откидывает подушку. — Едем.

Я плохо представляю себе шоппинг, на котором мне придется лишь любоваться вещами и не иметь возможности их купить, но все бывает впервые.

Новое правило в жизни: обходить магазины стороной. Вчера я потратила остатки денег на жакет, но без него было не обойтись, он магическим образом подходит к абсолютно каждой вещи в моем гардеробе. Папа сказал, что теперь каждое воскресенье будет выдавать нам карманные деньги на неделю. Осталось продержаться еще день, а пока у меня хватает лишь на то, чтобы заправить машину и доехать до Марты.

Мне хотелось бы заехать в «Пинки-Милки», взять пончики в клубничной глазури и пирожные, чтобы угостить Марту, но на деле не хватает даже на стакан кокосового рафа.

Расплатившись на заправке, я сажусь в машину и беру пискнувший телефон:

Мейсон: *Задерживаюсь на собрании команды. Если не получится вырваться, передай Марте, что обязательно заеду на днях.*

Я совершенно не удивлена. С началом футбольного сезона Мейсон будет редко появляться дома, а в свободное время поселится в спортзале. Учитывая, что «Примроуз» оставили его как звезду футбола, брату придется усерднее выкладываться, но готова поспорить, что он только рад выпустить пар и перемолоть проблемы с помощью спорта.

Дом Марты расположен в южном районе города, трехэтажные здания из кирпича выстроились лабиринтами с узкими проходами, походя на крошечный кусочек Англии. Выйдя из машины, я нажимаю кнопку на брелоке и, повесив рюкзак на плечо, иду по тротуару. На противоположной стороне улицы группа подростков собралась на лестнице, ведущей в многоквартирный дом. Громко слушая музыку, они смеются, выдают отборную брань и пьют пиво из банок. Я не чувствую себя здесь в безопасности, не знаю, как Марта не боится возвращаться домой одна поздно вечером.

Поднявшись по лестнице, я нажимаю кнопку «2В» и после короткого писка тяну дверь на себя. Перед тем как зайти, я смотрю на свою машину в надежде, что с ней ничего не произойдет, пока меня не будет, я слышана историй, как в этом районе разбивают стекла машины и воруют все, что только можно унести.

Марта встречает меня в коридоре, и страх отходит на второй план, когда я вижу ее теплую улыбку.

— Как ты повзрослела за лето! — Крепко обняв меня, она отстраняется и, взяв за руки, отступает на шаг, чтобы оглядеть с головы до ног. — Такая красавица, вся в маму, а загар какой! Ты голодна? Я испекла ваши с Мейсоном любимые маффины.

— Мейсон задерживается на тренировке, — поясняя я, следуя за ней по коридору к квартире. — Передал, что если не получится, то обязательно заедет на днях.

— Надеюсь, он хорошо питается, у него сейчас наверняка усиленные тренировки. Я постараюсь взять выходной, чтобы прийти на ближайшую игру и посмотреть на нашего чемпиона. Заходи, милая, не стесняйся.

Я переступаю порог и оглядываюсь. Квартира совсем крошечная, но уютная, здесь пахнет чистотой и выпечкой, стены выкрашены в светло-желтый цвет, кухонный гарнитур старый, но отполирован до блеска. В углу рядом с окном примостился небольшой обеденный стол, на котором стоят корзинка с маффинами и тарелка с горой печенья. Дверь в спальню приоткрыта и по размеру эта комната даже меньше моей гардеробной.

— Кофе со сливками и без сахара, — бормочет себе под нос Марта, прекрасно зная, что я буду пить. — Печенье с кокосовой стружкой, угощайся.

Мой рот наполняется слюной. Как бы я не придерживалась правильного питания и не следовала советам мамы, я никогда не смогу отказаться от кокосового печенья. Оно было нашим с Мартой самым большим секретом. Она пекла его, когда у меня был плохой день, а после пары кусочков мое настроение мгновенно взлетало к небесам.

Деревянный стул жалобно скрипит, когда я опускаюсь на него. Протянув руку, я обхватываю еще теплое печенье и, вдохнув сладкий аромат, откусываю. Блаженство.

— Я остаюсь здесь жить, — бубню я с набитым ртом, вызывая смех Марты, — прямо у этой самой тарелки.

Жуя, я смотрю на стоящий напротив холодильник, дверца которого усеяна фотографиями и пожелтевшими детскими рисунками. У Марты два сына и когда я думаю о них, то мне становится стыдно, все детство мне казалось, что мы забрали их маму.

Поставив передо мной кружку, Марта садится напротив.

— Как там поживают мистер и миссис Шепард?

— У мамы возобновились приступы мигрени, а папа почти не появляется дома, пытается уладить дела.

— Мне так жаль, что это произошло с вами, Бэйли.

— Мне тоже. И с тобой. Я не могу представить дом без тебя, он какой-то пустой и холодный. У тебя на новом месте все хорошо? Не обижают? Только скажи, и папа сразу разберется.

— Не стоит, — смеется она, вскидывая ладони, — у меня все хорошо, честно. А как вы с Мейсоном?

— В порядке. — Сделав глоток кофе, я прячу взгляд в кружке. — Все могло быть и хуже.

Цокнув, Марта подается ближе, теплые пальцы накрывают мое запястье и слегка сжимают его. Тяжело сглотнув, я поднимаю подбородок, Марта хмурится и внезапно выглядит строгой, она не любит, когда я обманываю.

— Меня переводят в другую школу, — признаюсь я и в этот момент становится противно от самой себя: папа пытается спасти положение семьи, Марта вынуждена работать на новом месте, а я в шаге от того, чтобы разреветься из-за какой-то школы. — Год обучения стоит слишком дорого. И ладно бы просто другая школа, но папа выбрал самую ужасную школу в мире.

— Какую?

— «Мемфис», — выплевываю я, и это слово звучит как самое ужасное ругательство в мире.

— В нее ведь ходил мистер Шепард? — улыбается Марта. — Он всегда с большим теплом говорит о школьных временах.

— Да, но это было давно, тогда наверное даже электричества еще не было, а люди жили племенами, потому что сколько я себя помню, «Примроуз» враждует с «Мемфисом», а папа не понимает насколько это серьезно. Мне конец, я там не выживу.

Откусив большой кусок печенья, я чувствую, как глаза жжет от резко выступивших слез. Даже не хочу знать, как глупо я сейчас выгляжу с набитыми щеками.

— Не стану врать, что поначалу будет легко. — Марта крепче сжимает мои пальцы, пока я медленно пережевываю печенье. — Но милая, ты ведь такая замечательная и добрая, тебя там все обязательно полюбят, когда узнают поближе.

— Не уверена, что я милая и добрая, — шмыгаю я носом. — Говоришь так, будто совсем меня не знаешь.

Рассмеявшись, Марта поглаживает меня по голове.

— Я знаю тебя с самого детства, именно поэтому так говорю. Если будешь спорить с родителями, то сделаешь себе только хуже. Ты ведь не хочешь, чтобы дома накалилась плохая обстановка, от которой хочется сбежать? Но так и получится, если продолжишь спорить с мистером и миссис Шепард.

А если это уже давно так? Если мне уже тяжело на душе, как только подхожу к родному дому, прекрасно зная, что от тяжелой атмосферы внутри хочется взвыть?

— У меня плохое предчувствие. — Опустив ладонь на живот, в котором ощущается холод, я посылаю Марте беспомощный взгляд. — Мне так страшно.

Я до боли прикусываю губу, потому что не могу позволить себе расплакаться, только не перед Мартой, которая находится в разлуке со своими детьми и работает на износ.

Не произнося ни слова, Марта придвигается ближе и крепко обнимает меня, в эту самую секунду я чувствую странное спокойствие, будто приняла горячую ванну и залезла под одеяло. От Марты исходят тепло, любовь и забота, которые наверняка способны исцелять раны.

— Чуть не забыла, я же привезла тебе подарок! — Отстранившись, я натягиваю улыбку, разыгрывая непринужденность. Прятать эмоции совсем не сложно, мама ненавидит слезы и драму, так что часто приходится сдерживаться.

Подарив Марте украшения с побережья Ки-Уэст, я с наслаждением наблюдаю за тем, как ее глаза загораются от радости.

Марта собирает мне с собой еду, и я не уверена, что готова делиться ею с Мейсоном. Крепко обняв ее на прощание, я выхожу из квартиры эмоционально опустошенная, будто надолго уезжаю из родного дома.

Спешно иду к машине, но торможу, едва не уронив корзинку с маффинами и контейнер с печеньем, когда вижу написанное маркером во все лобовое стекло слово «член».

Группа подростков на противоположной стороне дороги смеется, снимая мою реакцию на телефон.

— Отлично. — Закатив глаза, ставлю контейнер с корзинкой на крышу машины и лезу в карман жакета за ключами. Мне стоит больших трудов не взорваться, крича и размахивая руками, но инстинкт самосохранения говорит убираться подальше как можно скорее.

Положив выпечку на пассажирское сиденье, завожу двигатель и выезжаю с улицы, надеясь, что в следующий раз мы с Мартой увидимся в другом месте.

По пути я собираю все чертовы красные сигналы светофора, пешеходы глупо улыбаются при виде лобового стекла, а кто-то даже фотографирует.

Унизительно.

Очередной красный свет находит меня рядом с торговым центром, ладони зудят от желания пойти и просто примерить парочку вещей, но нужно держаться.

В ожидании зеленого сигнала я барабаню большим пальцем по рулю. Тело обдаёт кипятком, когда я вижу подходящих к переходу Ника Ровера с другом, держа скейты подмышками, парни увлеченно переговариваются, в шутку подталкивая друг друга плечами. Навстречу им идут три мальчика, один из них громко смеется, указывая пальцем на мою машину.

Кретин поворачивает голову.

Нет, пожалуйста, нет.

Замерев посреди пешеходного перехода, Ник удивленно вскидывает брови, а затем улыбается так широко, словно сорвал джекпот.

— Только этого не хватало, — стону я.

Таймер на исходе, Кретин делает шаг в мою сторону, но друг ловит его за капюшон бледно-розового худи и тащит на противоположную сторону дороги.

Судорожно выдохнув, я срываюсь с места, как только загорается зеленый.

По приезде домой даже не хочу думать, что скажут родители, увидев надпись на лобовом, поэтому загоняю машину в гараж и иду за тряпками и маслом, чтобы стереть маркер.

Глава 8 День ужасов

Я много чего не знаю в этой жизни, но единственное, в чем уверена на тысячу процентов — я не пойду учиться в «Мемфис». Спорить с родителями бессмысленно, поэтому остается лишь один выход — ложь. Сделаю вид, что играю по их правилам, а на фоне более серьезных проблем они не сразу догадаются, что их примерная дочь-отличница теперь прогульщица. Я скорее съем паука, чем переступлю порог этой школы.

Первый учебный день встречает город хорошей погодой, а мое настроение уже на нуле. Высушив волосы после душа, наношу макияж и открываю дверь в гардеробную: рука сама тянется к форме «Примроуз», я бережно провожу пальцами по лацкану пиджака и вышитой птице красный кардинал. Когда я только получила эту форму, то разрывалась и не знала, что делать: сдуть с нее пылинки или же спать в ней, чтобы не расставаться. Она заставляла меня испытывать гордость и восторг, будто это сумочка от «Биркин».

Надев кашемировый свитер и юбку, я беру пару лоферов и возвращаюсь в комнату, чтобы собрать тетради, которыми не воспользуюсь. На столе пищит телефон, и я бросаю рюкзак на стул.

Чат «Клуб Винкс»

Линдси Салливан: *Как ты? Точно решила, что не пойдешь в школу?*

Бэйли Шепард: *На все 1000%*

Бэйли Шепард: *Передайте Пенелопе, что на днях отдам ей свой ежедневник с планами на выпускной. Все изменения в расписании нужно дублировать с сайта в чат школы. После уроков пришлите мне сегодняшние конспекты, пожалуйста. И умоляю, пока никому не говорите, что родители отправили меня в «Мемфис», не хочу, чтобы Мейсона завалили шутками и вопросами.*

Руби О'доннелл: *Тише, босс, выдохни. Сегодня день ужасов, помнишь? Раздашь задания, когда соберемся в РБХ — сойдет за страшилку.*

Черт, я напрочь забыла о традиции. В первый учебный день выпускники «Примроуз» собираются в лесу Робин Гуд Хиллз, где травят страшные байки. По легенде первый, кто сбежит от страха, — вылетит из школы. Совпадение или нет, но из года в год первый сбежавший из леса действительно покидает «Примроуз». Прошлый выпускник был отчислен за курение в туалете, в позапрошлом году девушка переехала с родителями в Нью-Йорк, а пару лет назад первого сбежавшего ученика на следующий день насмерть сбила машина. По школе ходит много слухов о дне ужасов и уже непонятно, что вымысел, а что правда.

Мейсон возвращает меня в реальность, как обычно входя в комнату без стука.

— Пиджак уже маловат, — бросаю я, застегивая рюкзак.

— Знаю, на днях снимали мерки, скоро должны выдать новую форму. — Поправив лацканы, он прислоняется к стене рядом с дверью. — В школе надену капитанский бомбер, но сама знаешь маму, начнет причитать, что спортивной одежде место только на тренировках. Помни, каждый представитель Шепардов — лицо семьи, Бэйли, выставя себя неряхой, ты автоматом подставляешь всех членов семьи, — передразнивает он маму, чем заставляет меня усмехнуться.

Мейсон не уходит, молча наблюдая за мной, наверняка чувствует себя виноватым из-за того, что форма «Примроуз» лишь на нем.

— У меня для тебя подарок. — Запустив руку в карман, он достает розово-черный перцовый баллончик. — Айзек рассказал, что произошло в «Аркадалэнде». Теперь ты знаешь, что делать, если Ровер или его друзья посмеют приблизиться.

— Розовый? Стильно. Спасибо.

— Я подвезу тебя.

— До торгового центра?

— До «Мемфиса».

— Кто сказал, что я туда пойду? Вчера за ужином я согласилась, чтобы не скандалить с родителями. Погуляю по магазинам, почитаю в парке книгу, поем протеиновое мороженое.

— А дальше?

— Не знаю, — вздыхаю я, повесив рюкзак на плечо. — У меня нет плана, Мейсон. Буду прогуливать, сколько смогу, а потом уже разбираться с последствиями.

— Тогда я буду прогуливать с тобой.

— И попрощаешься со своей спортивной карьерой, — проходя мимо, я забираю баллончик. — Не переживай, день в торговом центре вместо учебы — звучит как лучший девичник с самой собой. Я в порядке. Встретимся вечером в Робин Гуд Хиллз.

Ладно, прогуливать школу было не так грустно до тех пор, пока я не увидела сторис друзей в социальных сетях. От вида знакомых и счастливых лиц в родных стенах школы к горлу подкатывает колючий ком.

Убрал телефон, я иду на терапию в отдел косметики. Взрыв приятных ароматов и красивых флаконов — так для меня выглядит рай. Я могла бы поселиться здесь и потерять счет времени, как азартный игрок в казино. Пальцы жжет от желания скупить всю линейку кремов с тропическим ароматом, но моих карманных денег не хватит. Приходится существовать в новой реальности, где над каждой покупкой висит рациональный вопрос: насколько мне это необходимо? Ответ очевиден: учитывая кучу тюбиков в ванной, в новых кремах нет нужды, хотя темная часть внутри меня шепчет, что я не смогу прожить без них.

Впившись ногтями в ладони, я спешу к выходу из отдела, потому что моя сила воли в любой момент может дать слабину. Оказавшись за пределами магазина, я с грустью оборачиваюсь. Ходить по торговому центру и не иметь возможности купить то, что нравится — полный отстой.

На стеклянной стене рядом со входом висит яркая листовка:

Стань частью команды «Бьюти лайн»!

Готова поспорить, у сотрудников есть скидка. Поймав себя на том, что глупо улыбаюсь, я уверенно возвращаюсь в магазин, потому что теперь знаю, где и как буду коротать время, прогуливая учебу.

Робин Гуд Хиллз расположен на отшибе города между заправкой и стоянкой траков. Небольшой участок леса с протоптанной тропой, ведущей к шоссе. Этому леса опасаются с мая девяносто третьего года — здесь произошло трагическое убийство трех мальчиков, а обвиняемыми стали подростки из школы «Мемфис», против которых не было прямых доказательств.

Ходят слухи, что в этом лесу до сих пор можно услышать крики детей. После просмотра множества документальных фильмов об убийцах я не верю в паранормальные явления, тьма не таит в себе монстров, она находится внутри некоторых людей, и ты никогда не можешь сказать наверняка в ком именно.

Собравшись на парковке, мы с ребятами отправляемся в глубь леса. По тому как Айзек крепко сжимает мою руку и вечно оборачивается, можно с уверенностью сказать, что он боится быть здесь, да и в целом парни напуганы больше девчонок. Я играю в двойной бой: смотрю под ноги, перешагивая через ветки, и уклоняюсь от ответов на вопросы о том, почему пропустила первый день в школе. Не хочу говорить правду, потому что следом возникнет логичный вопрос: «Где ты теперь будешь учиться?».

Мы разбираем лагерь, устраиваясь на бревнах, и разжигаем костер на старых углях. Солнце еще не село, но у многих в руках фонарики наготове. Страх рассеивается только после принесенных кег с пивом, с каждым стаканом парни становятся все смелее, а с наступлением темноты уже пугают девочек, заставляя их визжать.

— Ты правда собираешься работать? — Сжав стакан в пальцах, Руби посылает мне недоверчивый взгляд. — Консультантом?

— У них скидка для сотрудников.

Линдси и Руби хмурятся, явно не понимая в чем плюс.

— Мне каждый раз нужно напоминать, что у нас проблемы с деньгами? — шепчу я. — Мне нужна работа, так что завтра первый стажировочный день.

— Не думала, что все настолько плохо, — задумчиво тянет Линдси. — Погоди, а как же школа? Что ты скажешь родителям?

— Буду врать, что хожу на учебу. Посмотрим, сколько продержусь.

— Выпей, — Руби протягивает мне стакан, но я качаю головой, потому что мама сказала, что вечером нас ждет серьезный разговор. Она разозлится, если от меня будет пахнуть алкоголем.

— Эй, народ, все сюда! — Мейсон звонко хлопает ладонями, привлекая внимание. Танцующие тени от костра скользят по его лицу, отчего оно выглядит зловещим. — Время страшных историй, кто начнет первым?

— Давайте я, — вызывается Коул из команды по лакроссу.

— Самая страшная история, которая есть у тебя в запасе про то, как ты переспал с сестрой нашего полузащитника и получил за это по морде, — подмечает Айзек, присаживаясь между нами с Руби.

— Я же просил никогда не вспоминать об этом и не говорить о моей сестре! — стонет Мэлвин, опуская козырек бейсболки на лицо.

— Видите это место? — Коул указывает в сторону засохшей дренажной канавы. — Именно здесь нашли тех детей. Раздетых и связанных собственными шнурками. Их убили жестоко, кровожадно, одного даже кастрировали. Говорят, души мальчиков до сих пор заперты в этом лесу. Если замолчать, можно услышать их крики, нужно лишь позвать по именам и сказать, что мы пришли на помощь.

Выставив указательный палец, Коул призывает всех к тишине.

— Кристофер Байерс...

— Замолчи, Коул! — умоляюще просит Пенелопа, закрывая уши ладонями.

— Стив Бранч. Майкл Мур. Мы здесь, чтобы спасти вас ребята!

Все затихают, прислушиваясь. Лес живет своей жизнью, листва шуршит от ветра, деревья скрипят и трещат, как и костер с сухими ветками.

Мэлвин медленно наклоняется к Коулу и громко взвизгивает прямо ему в ухо, отчего Коул роняет пиво от неожиданности и, споткнувшись, чудом не падает в костер.

— Придурок!

— Это тебе за мою сестру. — Пожав плечами, Мэл допивает стакан под дружный смех. — Ладно, я следующий. Расскажу историю о группе школьников, которые пришли в лес поведать, только вот выйти из леса никто не смог.

— Бэйлс, — Линдси толкает меня локтем и, — можешь посмотреть, у меня сзади чисто?

Она поднимается, и, взглянув на ее брюки, я киваю. Сев обратно, Линдси берет меня под руку.

— Мне нужно в туалет, кажется, месячные начались, — шепчет она. — Сходишь со мной до заправки?

— Конечно. Руби, мы до заправки, ты с нами?

— Нет, лень идти.

— Всего десять минут, — усмехаюсь я и, повесив на плечо рюкзак, поднимаюсь. — Айзек?

— У меня есть выбор?

— Нет, ты ведь не хочешь, чтобы мы шли по темному лесу одни, верно? — Я вскидываю брови и уверена, что в этот момент строгим выражением лица очень напоминаю маму. Ненавижу ловить себя на подобных сходствах.

Вздыхнув, Айзек послушно встает.

Включив фонарики на телефоне, мы идем по широкой протоптанной тропинке. Голоса ребят у костра звучат все тише и приглушеннее, и мне становится не по себе.

— Как думаете, Коул сказал правду, что души этих детей заперты здесь? — полупшепотом спрашивает Линдси.

— Нет конечно, — отмахивается Айзек. — Брось, это же день ужасов.

— Стоп. — Замерев, Линдси направляет фонарик прямо мне в лицо, отчего я щурюсь. — День ужасов. Мы забыли про традицию, мы ведь сейчас выйдем из леса. Это значит, что мы можем не закончить этот год в школе.

— Это не считается, мы ведь не убегаем, — успокаиваю я. — Но если сильно переживаешь, то я выйду первая, а вы за мной. Я уже вылетевшая из школы. И убери фонарик от моего лица...

Я резко замолкаю, потому что позади раздается звук, заставляющий внутренности покрыться толстой коркой льда.

Детский смех.

Откуда, черт возьми, в темном лесу взялся детский смех?

Во рту пересыхает, я пытаюсь поймать взгляд Айзека и Линдси, чтобы убедиться, что не одна это слышала, но от только что светившего в лицо фонарика перед глазами плывут желтые блики, поэтому тяжело разглядеть лица.

— Что это было? — Холодные пальцы Линдси впиваются в мою руку. — Вы это слышали?

— Бросьте, просто кто-то из наших шутит, — Айзек звучит не так уверенно, как хотелось бы. — Идем.

Опустив ладонь на мою поясницу, он подталкивает меня вперед, но останавливается, когда вновь раздается детский смех.

— Мейсон, если думаешь, что это смешно, то я тебя убью! — выкрикиваю я, но замолкаю, услышав приглушенный женский плач.

От страха я не могу сдвинуться с места. Нащупав боковой карман свисающего с плеча рюкзака, я достаю перцовый баллончик и поворачиваю защитный клапан, открывая дозатор. Хотя вряд ли это оружие поможет против призраков.

— Здесь еще и связь не ловит. Может, вернемся? — стонет Линдси. — Или быстро добежим до зап... — Выронив телефон, она больно сжимает мою руку, смотря с расширенными от испуга глазами за наши с Айзеком спины.

Мое сердце падает куда-то в ноги. Кажется, проходит вечность, прежде чем я медленно поворачиваю голову. Немой крик ужаса застревает в горле, когда я вижу в паре шагов от нас темную фигуру. Лицо скрыто под капюшоном, он просто неподвижно стоит там и молча наблюдает за нами.

Фигура склоняет голову набок, а потом делает шаг.

Визг Линдси оглушает меня. Айзек тоже кричит, а я от страха не могу выдавить ни звука. Еще один шаг фигуры в капюшоне, и я выбрасываю руку вперед и нажимаю на дозатор. Раздается шипение, я не слежу за последствиями, а просто разворачиваюсь и бегу со всех ног.

Линдси и Айзека не видно, но я слышу их топот и крики, они несутся в сторону шоссе. Позади слышится отборная брань. Я на секунду оборачиваюсь: фигура в капюшоне сидит на

корточках в свете телефонного фонарика Линдси и прижимает ладони к лицу. Получай, сволочь!

В следующее мгновение я спотыкаюсь и, потеряв равновесие, падаю. Тупой удар о землю отдается огнем в груди. С жадностью хватая ртом воздух, я приподнимаюсь и смахиваю упавшие на лицо волосы.

— Джейк! Ник! — громко зовет парень в капюшоне. — Олли!

Сжав в ладони баллончик, я судорожно вожу рукой по холодной земле, пытаюсь подняться. Сквозь деревья сюда быстро приближается мерцающий луч фонарика, качающийся из стороны в сторону, как маятник.

— Что случилось, Рэми?

Подождите-ка. Очень знакомый голос.

Чертов Ник Ровер!

— Гребаные Кардиналы ослепили меня, вот что случилось!

— Что, прости?

Остановившись в паре шагов от друга, Ник светит на него фонариком.

— Черт. — Согнув руку в локте, он прижимает ее к носу и отходит подальше. — Перцовка.

— Помоги мне подняться, я ничего не вижу, — рычит Рэм. — Боже, как все жжет, даже горло! Я не понял, ты там смеешься что ли?

— Прости. — Не скрывая смеха, Ник отходит еще на несколько шагов. — Пожалуйста, скажи, что это была девчонка.

— Да, — отвечаю я.

Вскрикнув, Ник подскакивает на месте и оборачивается. Ослепляющий луч фонарика буквально выстреливает мне в лицо, и я выставляю ладонь, защищая глаза от яркого света.

— Баунти? — недоверчиво спрашивает он.

— Вы... Вы что, совсем психи? Нельзя так пугать людей!

Оставив друга, Ник идет в мою сторону, и я вытягиваю руку, выставляя баллончик как пистолет.

— Не подходи, — предупреждаю я.

Вскинув ладони, он послушно останавливается.

— Скажи честно, ты ослепляешь всех, кто видел слово «член» на твоём лобовом? — Он делает еще один шаг. — Я просто хочу помочь тебе подняться, ладно?

Держа руку на весу, я с кряхтением встаю без его помощи.

— Ты в порядке?

— Я не в порядке! — злостно напоминает о себе Рэм. — Я!

— Слушай, мы просто хотели немного напугать Кардиналов, — объясняет Ник, игнорируя друга. — Весь город в курсе традиции выпускников «Примроуз», все безобидно, всего лишь колонка с жуткими звуками, не больше. Прости Рэма за это, ладно? Давай помогу тебе дойти до друзей.

— Серьезно? — стонет Рэм. — А мне кто-нибудь поможет?

— Не надо, если ребята вас увидят, то забьют толпой и не уверена, что буду против. — Тяжело сглотнув, я медленно опускаю баллончик. — Но шутки у вас глупые.

— Бэйли! — доносится вдалеке голос Мейсона.

— Это мой брат, он наверняка с друзьями. Вам лучше уйти.

Отряхнувшись, я осторожно прохожу мимо Кретина, пока он демонстративно держит руки поднятыми. На мгновение остановившись рядом с кряхтящим Рэмом, я быстро поднимаю телефон Линдси и спешу на голос брата.

— Баунти, — окликает Ник. — Пойдешь со мной на свидание?

— Мейсон, я здесь! — выкрикиваю я, прибавляя шаг.

— Давай, Рэми, поднимайся, — слышу я за спиной. — А знаешь, ты потолстел, приятель, говорил я тебе завязывать с пончиками в «Пинки-Милки».

— Черт, ничего не вижу, не могу открыть глаза.

— Пройдет. Но ты ведь сможешь играть на гитаре, даже если ослепнешь, верно? Я не хочу брать в группу нового бас-гитариста, ты мне нравишься.

— Заткнись.

Увидев Мейсона с парнями, я бегу навстречу, размахивая телефоном с включенным фонариком.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спрашивает брат, сжав мои плечи. — Айзек позвонил, они с Линдси на заправке, сказали, что кто-то на вас напал.

— Все хорошо, это просто были малолетние придурки из нашей школы, решили напугать выпускников.

Мейсон разглядывает мой спортивный костюм, покрытый разводами грязи, и качает головой.

— Я убью Айзека, как он мог снова бросить тебя в такой ситуации?

— Все произошло так быстро, мы толком не соображали от страха.

— Отвезти тебя домой или хочешь остаться?

— Лучше домой, на сегодня с меня хватит ужасов. — Я протягиваю Коулу телефон Линдси. — Передай Линдс, когда вернется.

— Отвезу Бэйли и вернусь, — бросает Мейсон друзьям, — если мелкие шутники вдруг появятся, то делайте, что хотите, но поймайте их.

Всю дорогу Мейсон выглядит разъяренным, словно проиграл матч. Когда мы останавливаемся у дома, он протягивает ладонь.

— Дай ключи от твоей машины, попрошу кого-нибудь из парней пригнать ее к дому.

— Не злись на Айзека, — прошу я, расстегивая молнию на рюкзаке.

— Он второй раз бросает тебя в опасной ситуации. Сначала на парковке, теперь вот в лесу. Знаешь, когда твой друг начинает встречаться с твоей сестрой, то он дает сотню клятв, например, что не даст в обиду и сам не обидит. И он не только мне, но и нашему отцу обещал, если помнишь.

— Помню, но давай решать проблемы со своим парнем я буду сама, без твоего участия. — Я опускаю ключи в его ладонь. — Просто вернись к ребятам с хорошим настроением и хорошенько повеселись, ладно? Нам в последнее время не хватает позитивных эмоций.

Выйдя из машины, я захлопываю дверцу и иду к крыльцу. Свет в окнах гостиной горит, а это значит, что мгновенное столкновение с мамой почти неизбежно. Опустив взгляд на свои перепачканные вещи, я подавляю стон и надеюсь, что получится проскользнуть наверх незамеченной.

Повернув дверную ручку, я заглядываю в холл, переступаю через порог и стараюсь как можно бесшумнее закрыть за собой дверь. Осталось добраться до лестницы.

— Бэйли? — Застыв в дверях гостиной, мама оглядывает меня с головы до ног. — Бог ты мой, что с твоей одеждой?

— Упала, — вздыхаю я. — Кстати, я в порядке, спасибо, что спросила.

— Ты хоть помнишь, сколько стоит этот костюм? И что мы с тобой говорили о спортивной одежде?

— Ей место только в спортивном зале, — неохотно тяну я. — Прости, но в юбке не очень удобно бегать по лесу, мам. Я же говорила, что мы с ребятами собираемся сегодня в Робин Гуд Хиллз.

— А я изначально сказала, что приличным девушкам нечего делать так поздно вечером в этом месте.

— Это ежегодная традиция выпускников «Примроуз».

— Но ты больше не его часть.

Вздрыгнув, я поджимаю губы, стараясь не выдать эмоции. Это было больно.

— Извини, я не должна была. — Мама потирает лоб. — Мне тяжело, вы с Мейсоном становитесь совсем неуправляемыми. И я знаю, как трудно тебе приходится сейчас, но нужно потерпеть. Сьюзан на днях возвращается с Санторини, ничего не обещаю, но попробую взять у нее в долг, чтобы заплатить за твое обучение в «Примроуз».

Раскрыв рот, я действительно не знаю, что сказать. Радость и надежда разгораются в моей груди, взрываясь фейерверком.

— Ты серьезно? — Прижав ладони к губам, чтобы подавить визг, я подпрыгиваю. — Спасибо, мам! Ты лучшая!

— Умоляю, не кричи, — устало просит она, потирая виски. — Я меньше всего на свете хочу, чтобы мои дети ходили в эту ужасную школу, так что сделаю все возможное. Но, как я уже сказала, ничего не обещаю, шансы малы, Сьюзан в курсе нашей финансовой ситуации и что долг мы вернем нескоро.

— Спасибо, — шепчу я, — за то, что понимаешь, как для меня важно вернуться назад. Сдержанно кивнув, она морщит нос и кивает сторону лестницы.

— Прими душ и переоденься, не могу смотреть на тебя в таком виде. Кошмар.

В этот раз я уже не злюсь на замечание, а радостно взбегаю по лестнице.

Сняв грязную одежду, бросаю ее в корзину с бельем и наспех принимаю душ. Влезаю в ночную сорочку, надеваю тканевую маску на лицо и беру с собой в кровать ноутбук, чтобы посмотреть парочку тру-крайм роликов.

Телефон на кровати без остановки вибрирует от оповещений: Айзек и Линдси извиняются за то, что сбежали. Следом приходит сообщение от Руби:

Руби О'доннел: *Те идиоты, которые испугали вас, вернулись. Черт, как же жутко слышать эти звуки из глубины леса! Не обижайся, но я плохая подруга, потому что оказалась на месте Линдси, то тоже сбежала бы.*

Бэйли Шепард: *Я бы сама сбежала, если бы не застыла от страха как идиотка. Вы поймали парней с колонкой?*

Руби О'доннел: *Нет, но все жутко перепугались, мы перенесли вечеринку к Коулу, едем туда. Придешь?*

Открыв вкладку с камерой, я поправляю маску, делаю селфи и отправляю Руби.

Руби О'доннел: *Поняла, тебя уже ничто на свете не заставит подняться с кровати. Пиши, если передумаешь. хохо*

Что ж, значит ребята из «Мемфиса» решили не останавливаться. Интересно, как там парень, который получил порцию перцовки? А что, если я правда сожгла ему роговицу глаза? Тогда его друзья придут отомстить? Хотя в произошедшем не было моей вины, это была самозащита.

Мне нужно узнать, как он, иначе не смогу спокойно спать, представляя, что на меня готовится покушение в отместку.

Сев в позу лотоса, я открываю Соцсеть и захожу в настройки, открывая возможность писать мне в личные сообщения не только людям из списка друзей. Следом нахожу профиль Ника Ровера, на аватарке снимок со сцены, в свете софитов он бьет барабанными палочками по ударным, выглядит серьезным и слишком суровым.

Немного поколебавшись, я открываю диалоговое окно:

Бэйли Шепард: *Как твой друг, он в порядке?*

Зеленый огонек молниеносно загорается рядом с аватаркой Ника. Под сообщением появляются две синие галочки, увидев три мигающие точки, я спешно выхожу из диалога, боясь узнать ответ.

Ник Ровер: *У него аллергия, отек в горле, мы в больнице.*

Телефон выпадает из пальцев, приземляясь на покрывало, а сердце подскакивает горлу. Что я наделала?

Ник Ровер: *А еще он ослеп.*

Ник Ровер: *В общем, Рэм умирает. И его последнее желание: чтобы ты сходила со мной на свидание, перед тем как тебя посадят в тюрьму за убийство по неосторожности.*

Внезапно голова начинает кружиться. Он ведь шутит, верно?

Ник Ровер: *Да все с ним в порядке, Рэм, как таракан, переживет даже ядерный взрыв.*

Выругавшись, я подхватываю телефон и, стиснув зубы, шлепаю пальцами по экрану, печатая ответ:

Бэйли Шепард: *Ты нормальный? Кто вообще шутит над такими вещами?!*

Ник Ровер: *Бэйли?*

Не отвечая, я молча гипнотизирую экран.

Ник Ровер: *Пойдешь со мной на свидание?*

Бэйл Шепард: *Спасибо, но я скорее прыгну перцовым баллончиком себе в лицо.*

Выйдя из диалога, я открываю настройки сообщений и закрываю возможность писать мне.

Глава 9 Недолгая карьера

Я представляла стажировочный день в «Бьюти лайн» иначе, мне казалось, что я буду радостно порхать по залу, помогая девушкам определиться с выбором косметики, но фантазии разбились о суровую реальность. Несмотря на бейджик «консультант-стажер» для покупателей я внезапно превратилась в прилипалу, хотя администратор магазина ясно дала понять, что если не заводить диалог, то мне влепят штраф. К тому же нельзя присесть даже на секунду, поэтому к середине первого рабочего дня мои пятки гудят от боли, словно в них вбили гвозди. Один из самых главных минусов — форма, рубашки из синтетической ткани, в которых вспотеет даже камень, а еще к ним липнет пыль, эту ткань нужно запретить на законодательном уровне.

— Вот этот консилер! — радостно восклицает девушка, обращаясь к подруге. — Весь Тикток сейчас о нем говорит.

— Лорен, с ума сошла? Посмотри на цену, это очень дорого.

— Ты не понимаешь, он творит магию, все блогеры его советуют.

Взглянув на тюбик, я тяжело вздыхаю. Вот она — жертва маркетинга, я такая же. И прямо сейчас я не могу остаться в стороне:

— Извините, что вмешиваюсь, но я бы не советовала брать этот консилер. В составе спирт, он сушит кожу, подчеркивает все шелушения, а еще от него слезятся глаза. Сам бренд отличный, но конкретно этот консилер получил много негативных отзывов. Я могу подсказать вам парочку хороших без спирта в составе, да к тому же в два раза дешевле.

Переглянувшись, девушки откладывают дорогой тюбик.

— Бэйли, можно тебя на минуту? — зовет Карен, мой босс. Губы растянуты в вежливой улыбке. — Стейси, помоги пока девушкам определиться.

— Не спешите откладывать этот консилер, — советует покупательницам Стейси, — у него множество плюсов.

Карен уводит меня в сторону, и я даже рада, что не увижу, как Стейси продает плохую косметику.

— Помнишь, что я рассказывала о приоритетном товаре? Этот продукт сейчас на слуху, поэтому он на самом видном месте, чтобы покупатели хватали, не думая.

— Но ведь он плохой, я сама пробовала им пользоваться.

На мгновение прикрыв веки, Карен шумно втягивает носом воздух.

— Бэйли, — склонив голову набок, она нетерпеливо притопывает, — если клиент хочет оставить в магазине деньги, мы не будем переубеждать его и предлагать дешевые аналоги, а посоветуем приобрести что-нибудь еще в комплект. Базу под макияж, тональную основу, румяна, хайлайтер. Мы продаем, а не экономим, понимаешь? От личных продаж зависит твой процент.

Ладно, есть одна вещь хуже синтетической рубашки — смотреть, как люди тратят деньги на некачественную косметику, и не иметь возможности уберечь их от бесполезной покупки.

— Сюрприз-сюрприз! — доносится радостный возглас Руби. Они с Линдси семят ко мне, а следом за ними идет Айзек с букетом цветов. Увидев их в школьной форме, я на секунду теряюсь и не понимаю, что делаю в этом месте. — Не могу поверить, ты правда работаешь, наша девочка выросла! Мы пришли украсть тебя на перекус.

— Я освобожусь через пару минут, — многозначительно покосившись в сторону Карен, я молча прошу их уйти, но мои намеки остаются без внимания.

— Бог ты мой, что за рубашка? — рассмеявшись, Руби касается моего воротника. — Кошмар, это же голая синтетика!

Ох, боже, я знаю.

— Милая, — с сочувствием произносит Линдси, разглядывая рабочую форму.

— Я сейчас подойду к вам, ладно?

Айзек смотрит на меня с... Жалостью? Я этого не вынесу. Но по крайней мере он уводит девочек к выходу.

— У тебя полчаса, — выдыхает Карен. — Не опаздывай.

Я иду к выходу с тяжестью в груди. Меня отчитали и поставили на место, а я не могу возразить Карен, потому что она мой босс. Так вот какова на вкус взрослая жизнь? Молча исполнять все, что скажет начальник. Взрослая жизнь это не свобода, а настоящая тюрьма, и мне хватило одного неполного стажировочного дня, чтобы понять это.

— Только посмотрите на нее, даже бейджик есть, — пропевает Руби, как только я выхожу. — Что с лицом? Такая серьезная.

— С дороги, — отодвинув подруг, я усаживаюсь на скамейку за их спинами и издаю стон. — Как же хорошо просто сидеть!

Скинув лоферы, я закидываю одну ногу на другую и начинаю массировать ступню под недоуменными взглядами друзей.

— Милая, ты в порядке? — осторожно спрашивает Линдси.

— Теперь да.

— Идем перекусить?

— Простите, но я планирую просидеть, не вставая, все тридцать минут перерыва.

— Ладно, хватит, кто-нибудь скажет ей? — всплескивает руками Руби. Не получив ответа, она цокает, перекидывая волосы с одного плеча на другое. — Хорошо, я сама. Бэйлс, ты с ума сошла? Какая, к черту, работа? Собирай вещи и пойдем отсюда.

— Мне нужны деньги, да и в целом нечем заняться днем.

— Нечем заняться? Сходи на маникюр или в СПА.

Радость от простой возможности посидеть быстро улетучивается.

— Чтобы пойти в СПА и на маникюр тоже нужны деньги, Руби, — цежу я сквозь сжатые зубы. — Я говорю, но ты словно меня не слышишь.

— Всего один рабочий день, а ты уже стала агрессивной, тебе это не идет. — Руби тянется к карману рюкзака. — Сколько тебе нужно?

— Не знаю.

— Не знаешь сколько?

— Не знаю, как и когда буду отдавать, — тихо отвечаю я. Горло сводит, а глаза жжет, будто я нанесла тот жуткий консилер. Ловлю себя на мысли, что впервые в жизни чувствую стыд перед своими друзьями за саму себя.

Пальцы Руби замирают. Когда до нее доходит смысл моих слов, она отводит руку от рюкзака, и я начинаю испытывать отвращение к себе. Я даже не просила этих денег, но получила отказ. В этот момент я понимаю, что никогда в жизни не попрошу в долг, уж лучше каждый день носить синтетическую рубашку и оставаться без ног к концу рабочего дня.

— Девочки, сходите за кофе, — предлагает Айзек. — Мне нужно поговорить с Бэйли.

Переглянувшись, Линдси и Руби неловко взмахивают ладонями и нехотя уходят.

— Эй, — сев рядом, Айзек откладывает цветы и приобнимает меня за плечи, — иди сюда.

Пряча мокрые глаза, я прижимаюсь лбом к ямке между его плечом и шеей.

— Мне жаль, что все это происходит с тобой. — Он неспешно поглаживает меня по голове. — Не воспринимай Руби всерьез, ты же ее знаешь, сначала ляпнет, а потом думает.

— Знаю, Мейсон такой же.

— Слушай, только не ругайся за этот вопрос, но, может, стоит рассказать все твоему отцу? Уверен, если он узнает, что ты готова работать, лишь бы не ходить в «Мемфис», то он что-нибудь придумает.

Отстранившись, я покачиваю головой.

— Видел, как Руби резко передумала давать деньги после того, как я сказала, что не знаю, когда отдам? Хотя я даже не просила. Я только что узнала какое это унижительное чувство — просить в долг. Не уверена, что теперь смогу спокойно попросить об этом папу, даже страшно представить, сколько раз он испытывал подобное за последние дни. Речь о крупной сумме, если бы он мог, то уже нашел бы выход.

— Ты разозлишься, если я дам тебе свою кредитку и скажу, что можешь тратить с нее и ничего не возвращать?

— Даже не думай.

— Просто я... — Щеки Айзека розовеют, отведя взгляд, он бегло проводит пальцами по волосам. — Я уже второй раз не смог нормально защитить тебя в опасной ситуации, позволь помочь хотя бы так.

Улыбнувшись, я касаюсь его теплой щеки и, потянувшись к губам, оставляю короткий поцелуй.

— Больше не будем поднимать эту тему, ладно?

— Хорошо, — соглашается он, проскользнув рукой по моему бедру. — На втором этаже есть платное массажное кресло, позволишь купить тебе на нем время до конца перерыва?

— Боже, с этого и надо было начинать!

Рассмеявшись, Айзек ждет, пока я обуюсь и, взяв цветы, ведет меня за руку к лифту на второй этаж.

На шестой рабочий день я все еще не могу привыкнуть к тому, что на работе нужно стоять часами без простой возможности присесть. Когда ступни горят и гудят так сильно, то перспектива учебы в «Мемфисе» уже не кажется настолько ужасной. Вчера Карен озвучила мой процент с продаж, и я едва не взвыла, ведь продала тонну косметики, а получу за это всего ничего. Я пожаловалась на эту тему в чате, но девочки оставили сообщение без ответа — так они показывают, что не одобряют то, что я делаю. А может, мама была права, и девочки не хотят слушать мое нытье, ведь нытиков никто не любит.

Было глупо надеяться, что я долго смогу скрывать свои прогулы. Вероятность того, что родителям позвонят из школы — высока, но я никак не ожидала, что встречу маму и ее подругу Сьюзан в «Бьюти лайн» на свой шестой рабочий день.

Катастрофа.

Сердце проваливается в пятки, как только я сталкиваюсь с ними в отделе люксовой косметики. Выронив пробник помады, мама смотрит на меня как на инопланетянина. Ее изумленный взгляд следует от бейджа к моему лицу и обратно, а у меня пальцы на ногах поджимаются от холода в ее глазах.

— Бэйли? — с недоверием спрашивает Сьюзан. Постукивая ногтями по тубику с тушью, мамина подруга не выглядит удивленной, хотя у нее в лице столько ботокса, что обычно сложно разобрать какие-либо эмоции. — Ты работаешь? Здесь?

— Нет конечно, — отмахивается мама, выдавая самый наигранный смех в мире. — Это в рамках социального проекта, школьное задание. Глупость, не правда ли?

Я молча киваю. Лучше сейчас соглашаться с мамой и сделать все, чтобы минимизировать последствия, которые настигнут меня, как только мы останемся один на один.

— Что за школа, которая принуждает детей к работе вместо учебы?

— О том я тебе и говорила, Сью. Бэйли не может там учиться.

Сьюзан далеко не глупая женщина и если эмоции на ее лице не прочесть, то во взгляде сквозит откровенная насмешка, когда она смотрит на маму сверху вниз.

— Миранда, ты же говорила, что у вас с Ароном все налаживается, но это, — указав на меня тюбиком туши, она кладет его обратно, — буквально кричит о том, что вы тонете и не собираетесь всплывать. Если твои избалованные дети решились на работу, то все намного хуже, чем я думала.

— Кто еще избалованный, — вырывается у меня, и я уверена, что если бы у мамы был в руках кляп, то она бы им воспользовалась.

— Прости, на что ты намекаешь, дорогая?

Сьюзан прекрасно знает, что я говорю о ее дочери Мелоди. Ей четырнадцать лет и она добивается всего криками и слезами. Однажды Мелоди пришлось забраться на крышу дома и шантажировать родителей тем, что спрыгнет, если на ее дне рождения не выступит Гарри Стайлс. Конечно, Гарри не приехал, но зато она заполучила билет в вип-зону на его концерт.

— Да так, просто вырвалось, — пожимаю плечами я.

Хмыкнув, Сьюзан кивает.

— Знаешь, Миранда, думаю, тебе стоит последовать примеру дочери и устроиться на работу, если necesitas в деньгах на обучение в частной школе. Могу взять тебя на подработку в галерею. — Взглянув на наручные часы, Сьюзан цокает. — Ох, совсем забыла, что опаздываю на встречу. Созвонимся.

— Сью, она не хотела тебя обидеть, — тараторит мама ей в спину. — Живо извинись, Бэйли!

Даже если бы я решила извиниться, то уже поздно, потому что Сьюзан уходит слишком быстро. Смелость, с которой я связывала ей, улетучивается, как только мама вплотную подходит ко мне.

— Почему ты не в школе? — Она выставляет указательный палец. — И даже не вздумай врать мне.

Коленки начинают дрожать, ощущение, что огромный магазин сужается до размеров узкой комнаты, в которой невозможно сделать вдох.

— Потому что я не хочу там учиться.

— Тебя там обидели? — Отпрянув, мама щурится. — Ты вообще была там? Хоть порог переступила?

Я нехотя качаю головой. Протянув руку, мама срывает бейджик с моей груди и бросает его на пол.

— Ты о чем вообще думаешь?! — злостно шипит она сквозь стиснутые зубы, но заметив на нас заинтересованные взгляды покупателей, отстраняется и кивает в сторону выхода. — Поговорим дома.

Холодные пальцы больно сжимаются на моем запястье, пока она тянет меня к дверям.

— Но у меня вещи остались в раздевалке.

— Жду у выхода, у тебя ровно минута. Я пока позвоню отцу.

Я толком не смогла объяснить Карен, почему ухожу, она не слишком расстроилась, а заодно добавила, что проценты с продаж мне не зачтут, лишь выплата за отработанные часы. Что ж, спасибо и на этом.

— О чем ты только думала, Бэйли? — Папа устало потирает лоб, на его лице написано много эмоций: раздражение, удивление, злость и разочарование.

Во рту появляется привкус горечи просто оттого, что я добавила ему головной боли. Сцепив пальцы в замок, я опускаю голову в попытке спрятать за волосами горящее лицо.

— Изволь смотреть на нас, когда мы с тобой разговариваем, — требует мама, опускаясь на диван рядом с папой. — Отец вынужден срываться со встречи из-за тебя, я унизилась перед

Сюзан и попросила в долг, мы делаем все, что в наших силах, чтобы тебе было лучше, а ты решила обмануть нас?

— Ты просила в долг у Сюзан?

— Об этом поговорим позже, Аарон, — отмахивается мама. — Сейчас речь о том, что наша дочь прогуливает школу.

— Я не хочу там учиться, — выдавливаю я полушепотом, пока горло обжигает ком из подступающих слез.

— Я ведь не в тюрьму тебя отправляю. Поверь, если бы мог, то оставил тебя в «Примроуз», но у нас дом выставлен на продажу, ты осознаешь уровень наших проблем?

Шмыгнув носом, я киваю.

— Дай мне ключи от машины, — просит папа, протянув ладонь.

Подняв лежащий у ног рюкзак, я крепко обнимаю его.

— Зачем?

— Наказание за ложь. С завтрашнего дня мама будет отвозить тебя в школу.

— Но папа...

— Я устал, Бэйли, — непривычно холодным тоном произносит он. — Знаю, что вам нелегко, но и мне тоже, поверь. Нужно ходить в школу, хочешь ты этого или нет. Ключи.

Папа взмахивает пальцами, по его суровому взгляду понимаю, что нет смысла спорить. Я сделала все, что могла, но проиграла. Открыв карман, достаю ключи с брелоком и опускаю связку в папину ладонь.

— Я очень надеюсь, что мы услышали друг друга, Бэйли.

Кивнув, я спешу в свою комнату, чтобы вдоволь там нареветься.

Глава 10 Добро пожаловать

За выходные я изучила множество форумов на тему новичков в школе и о том, как выжить в обществе, которое настроено агрессивно против тебя. Я даже забрела на ветку форума, где обсуждали выживание в тюрьме. Что же, «Мемфис» вполне можно назвать моей персональной тюрьмой.

Из кучи статей я выделила три самых важных совета:

Не отвечать обидчикам.

Ни в коем случае не вестись на провокации.

Не показывать агрессорам страх.

Утро понедельника я начинаю с мыслей о том, чтобы притвориться заболевшей, но мама точно в это не поверит. На секунду даже появляется желание попросить Мейсона сломать мне руку, но я слишком боюсь боли.

После короткого стука мама заглядывает в комнату, в этот момент она напоминает надзирателя, который пришел проводить заключенного на смертную казнь. Вместо приветствия и пожелания доброго утра мой надзиратель хмурится:

— Ты время видела? Почему еще в кровати?

Выбравшись из-под одеяла, я опускаю на пол внезапно отяжелевшие ноги.

— Уже встаю.

— Живее, Бэйли. Жду внизу.

«Живее» — это не про меня. Я всегда долго собираюсь, за что меня часто ругают друзья и близкие, но сегодня мне не хочется, как обычно без остановки менять наряды перед зеркалом, подбирать аксессуары, выбирать прическу и поправлять макияж.

Приняв душ, я беру первый попавшийся свитер и юбку, наношу тушь, смазываю жидким шелком кончики волос, чтобы привести их в порядок и, забросив перцовый баллончик в рюкзак, выхожу за дверь.

— Завтрак, — зовет мама из кухни.

От мыслей о еде меня начинает мутить, слишком волнуюсь.

— Спасибо, не хочу.

— Бэйли, — мамин тон не терпит возражений, поэтому я послушно следую вдоль холла.

Без Марты светлая кухня словно потускнела и уменьшилась в размерах, а, может, это все мамин тяжелый взгляд, способный превратить любое помещение в тесный коробок без доступа к кислороду.

За столом сидит Мейсон и вид его школьной формы действует как удар в солнечное сплетение.

— Как настроение, Бэйлс?

— Потрясающее, не терпится завести новых друзей. — Взяв тост с авокадо, я откусываю маленький кусочек, который с трудом проглатываю.

Хмыкнув, Мейсон доедает омлет и тянется за апельсиновым соком.

— Я отвезу тебя.

— Нет, этим займусь я.

— Ты серьезно, мам? Хочешь, чтобы все увидели, как Бэйли привозит в школу мама? Это ужасно. Убийство репутации за долю секунды.

— Мы с отцом больше не доверяем вам. Ты можешь пойти у сестры на поводу и позволить ей прогулять. — Сделав глоток кофе, мама отставляет кружку. — Я отвезу ее сама и прослежу за тем, как она зайдет в школу.

— Тебе конец, Бэйлс, — делает вывод Мейсон. — Даже не будь это школа «Мемфис», выпускница, которую мама привозит в школу...

— Замолчи, — перебиваю я, откладывая тост.

Кажется, Мейсон наконец-то замечает, что меня вот-вот стошнит от волнения, поэтому замолкает.

Еда в меня не лезет, как и утренний кофе, желудок словно превратился в крутящуюся без остановки рулетку. Когда мы выходим из дома, мое тело бросает в пот, а колени слабеют. Ощущение, что у меня отравление. Отравление чистым страхом неизвестности.

Как только сажусь в салон машины и захлопываю дверцу, то не могу избавиться от чувства, что зашла в газовую камеру и пути назад нет. Сцепив ладони в замок, я молюсь, чтобы автомобиль не завелся, но мама с легкостью заводит двигатель и выезжает на дорогу.

— Прибереги слезы для отца, ты же знаешь, что у меня они вызывают лишь раздражение.

После маминого замечания я касаюсь пальцами влажных щек — даже не заметила, как начала плакать.

— Извини.

Чтобы остановить слезы, я прибегаю к совету психолога и двумя пальцами сжимаю перепонку между большим и указательным пальцами. Достаточно сильно, чтобы почувствовать напряжение, но не настолько, чтобы было больно — так я обманываю нервную систему и отвлекаюсь на новое ощущение, а слезы прекращаются сами собой. Доктор Доусон подсказала мне этот секрет пару лет назад, это не раз спасало меня, когда нужно было спрятать эмоции от мамы, которые всегда работают для нее раздражителем.

Когда на горизонте появляется «Мемфис», я до боли сжимаю пальцами перепонку, а после впиваюсь в нее ногтями. На стене рядом со входом нарисована разинувшая пасть огромная пиранья, заключенная в синий щит — символ школы. Парковка переполнена машинами и людьми, я вижу несколько курящих ребят, в «Примроуз» бы за такое исключили без права на амнистию. Самое непривычное, что бросается в глаза — ученики. Нет формы, кто-то даже пришел на учебу в пижаме. Я буквально чувствую, как от количества подростков в спортивной одежде у мамы портится настроение и от этой мысли у меня впервые за утро появляется желание улыбнуться.

— Безобразия, — едва слышно бормочет мама, поворачивая руль. Заглушив двигатель, она тянется к дверной ручке, и я вздрагиваю.

— Ты пойдешь со мной?

— Я должна убедиться, что ты зайдешь в школу.

— Ты можешь сделать это и отсюда, — тараторю я.

Сжав лежащий на коленях рюкзак, я тянусь ручке и буквально вываливаюсь из салона автомобиля. Хлопнув дверцей, я замечаю короткую улыбку на губах мамы — она блефовала, сказав, что зайдет со мной.

— Видишь? Это как прыжок в холодную воду, — убеждает она, опустив стекло. — Лучше сделать сразу и быстро, чем пытаться себя и тянуть время.

Боюсь, главная пытка только начинается.

— Я буду стоять здесь до начала первого урока, Бэйли, — предупреждает мама. — А может, и весь учебный день, у меня полно времени.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.